

Вячеслав

Цыцшиев

НЕСЛОМЛЕННЫЙ

Повесть

Посвящая братьям-казахам

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

После многомесячного лечения в госпитале Басанг Бембеев возвращался в родной хотон для окончательной поправки здоровья. Была поздняя осень 1943 года, Красная Армия сражалась далеко на западе страны. Враг, яростно сопротивляясь, медленно, но неуклонно отступал туда, откуда летом сорок первого неожиданно вторгся на территорию СССР, вместе с которым в сентябре тридцать девятого громил и терзал несчастную Польшу. Басанг же, получив тяжелое ранение три месяца назад под Харьковом, лечился в глубоком тылу в Астрахани. Оно было уже третьим: осенью сорок первого он получил легкое ранение в ногу, но, пролечившись в санчасти недели три, хромая, вернулся в часть. Потом, летом сорок второго, случилась контузия. Тогда он потерял слух и долго был посмешищем в лазарете, поскольку на вопросы раненых только непонимающе хлопал глазами. Бембееву говорили что угодно, а он только виновато улыбался и разводил руками. Больные довольно хохотали. Но однажды утром, едва проснувшись, он услышал треск в ушах, затем долгий, с переливами, свист и вдруг ворвавшийся в открытое окно палаты уличный шум, радостное чириканье воробьев, оживленный разговор выздоравливающих солдат. Басанг довольно улыбнулся.

– Что скалишься, чурка узкоплечная, пойдем, что ли, завтракать, – сладко потягиваясь, сказал сосед по койке. И тут же получил удар в челюсть.

– Ты что, калмык, дерешься? – опешил тот, потирая ушибленное место.

– А это тебе за «чурку».

– Стало быть, ты теперь слышишь. Жаль, а как было весело... – разочарованно протянул шутник, виновато улыбаясь.

За два с половиной года Бембееву довелось участвовать и в танковых атаках, и в рукопашных боях, и в бросках на немецкие дзоты, и в ночных вылазках за «языком». Но особенно тяжело ему пришлось летом сорок второго на берегу Дона, когда 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия, спешившись, держала оборону на участке протяженностью пятьдесят восемь километров, хотя по воинскому регламенту дивизия должна защищать участок в восемь, максимум в десять километров. Тем не менее, дивизия не пропускала гитлеровские части почти две недели, хотя перед нею ставилась задача продержаться дней семь. Однако по ис-

течении этого срока приказа отойти получено не было, как не было и обещанной поддержки танками и с воздуха. В итоге Калмыцкая дивизия, истекая кровью и неся значительные потери, держала оборону. И только когда враг, ломая сопротивление соседней дивизии, двинулся в обход и возникла угроза окружения, комдив Панин принял решение отступить. К тому же и боеприпасы у бойцов были на исходе. Но оказалось уже поздно, вражеские танки хозяйничали на территории полков, давя и расстреливая степняков из пулеметов. Поэтому организованного отступления не получилось: одна часть дивизии ушла на Северный Кавказ и там продолжила боевые действия, другая – в Астрахань, где влилась в ряды 28-й армии.

Тогда еще среди бойцов шли разговоры, что командование просто отдало Калмыцкую дивизию на заклание гитлеровцам, по сути – предало. Политрукам было тяжело убеждать степняков в обратном. Несмотря даже на то, что все понимали: другого выхода у командования Красной Армии нет, кроме как жертвовать дивизиями и людскими жизнями, поскольку не хватало на Южном фронте и бронетехники, и авиации.

Так Бембеев провоевал до лета сорок третьего года вплоть до серьезного ранения под Харьковом. Хотя на Курской дуге бои были страшнее, там Басанг не получил ни царапинки.

Теперь же ему предстояло увидеть родной хотон, откуда он в середине тридцатых пятнадцатилетним пареньком уехал в Элисту. В городе он получил специальность слесаря и работал в ремонтной мастерской. Потом ушел на фронт и, пока воевал, его родители умерли. Басанг рассчитывал побывать на их могиле, а после решить – что делать: ехать в Элисту или задержаться в родных краях, по которым, оказывается, сильно соскучился. Он полагал, что побывка на родине будет недолгой, максимум недели две или три. А затем – опять на фронт, к ребятам, по которым он тоже скучал... Добирался Басанг до родных краев то на попутных машинах, то пешком. Последние десять километров ехал на телеге, которой правил немногословный мужчина лет пятидесяти.

– Стало быть, ты сын покойных Мутула и Ньюдли? – только и спросил возница. И, получив утвердительный ответ, замурлыкал бесконечную песню о том, что теперь везет домой сына Мутула и Ньюдли, а они – какое горе! – умерли, не дождавшись его. Потом без всякого перехода сменил тему и запел про то, что уже осень, а птиц в степи редко встретишь, зато волков и лис в эти годы расплодилось видимо-невидимо...

Под это заунывное пение Басанг въехал в хотон. Возница остановил лошадь и, указав кнутом, произнес:

– Приехали, это твой дом.

И удалился, мурлыча о том, что наконец-то добрался домой, где его ждет старуха с горячей джомбой, а коня он обязательно сперва распряжет, даст вкусного овса, а потом уж зайдет в теплый дом... Видимо, поняв, что хозяин поет о нем, предчувствующая долгожданный отдых лошадь радостно заржала. Проводив взглядом телегу, Басанг подумал: «Какой мне, однако, музыкальный человек попался».

Вечерело. Басанг затопил печку кизяком, сварил чай и прилег отдохнуть. Однако вскоре в сенях кто-то деликатно кашлянул, а потом вошел в полутемную комнату.

– Ну, герой войны, встречай гостя! – громко заявил о себе вошедший. – Ты, Басанг, меня забыл, наверное. Я Лиджи Дорджиев – председатель колхоза.

«Герой войны» поднялся навстречу и, широко улыбаясь, крепко пожал протянутую руку председателя. Тот вынул из-за пазухи бутылку «Московской» и с размаху опустил на стол. Из широкой штанины вытащил что-то завернутое в газету и тоже положил на стол, потом откуда-то появилось полбуханки черного хлеба.

– Это закуска, а сало дал Николай Павлович, мой друг из соседнего русского села. Все называют его Нипалычем. Я потом тебя с ним познакомлю. Чешет по нашему почище любого калмыка.

Присели.

– Ну рассказывай, как воевалось? Вижу, у тебя «Красная Звезда» на груди, – заметил Лиджи Дорджиевич после первого стакана. – За что орден-то?

– За Курскую дугу.

Наступила пауза, в течение которой председатель выжидательно смотрел на Бембеева, видимо, в предвкушении захватывающих рассказов о подвигах на фронте, но тот, пристально уставясь на Лиджи Дорджиевича, тоже помалкивал.

– Э-э, да ты, вижу, стесняешься, а ведь такую награду не дают просто так. Что-то геройское, небось, совершил. Вот весной пришел с фронта Балта Соктуев, так тот такое нам рассказывал о своих подвигах, что мы удивлялись, почему ему «Героя» не дали. Хотя грудь у него пустая, никаких наград, никакой медальки нет. Потом поняли, что врет парень. Но подростки слушать его любят.

Мужчины пропустили еще по стакану, потом еще, после чего у Басанга исчезла скованность, ему захотелось излить душу этому человеку.

– Вот вы, Лиджи Дорджиевич, спросили меня, как воевал. Конечно, вы должны понимать, что это занятие не из приятных. Я, к примеру, за эти годы где только не воевал. Начинать в 110-й Калмыцкой дивизии, потом служил в разведоте, в лыжном батальоне. И даже в противотанковой батарее отражал танковую атаку, участвовал в ночных вылазках за «языком». Приходилось убивать ножом немецких солдат. Тоже занятие не из разряда романтических, особенно когда вымажешься в чужой крови. Вообще разведка – дело тяжелое. Представьте: лежишь неподвижно в снегу или под дождем, ждешь зазевавшегося немца – бывает, что часами, боясь шелохнуться, стараешься не обращать внимания на окоченевшие, онемевшие руки и ноги. Хорошо, если попадетесь офицер, а если солдат – то из него «язык» не всегда важный бывает. А потом волочешь его в свои окопы через минное поле, где мы, как правило, заранее делали проходы. Тоже ведь трудная задача. Потому что, обнаружив пропажу, немцы начинают стрелять или пускаются за разведчиками в погоню. Здесь приходится одному-двоим прикрывать отход, отстреливаться под осветительными ракетницами. Но не было случая, чтобы мы возвращались без «языка». Бывало, что при этом теряли своих товарищей.

Задумавшись на время, собеседники притихли. Потом Басанг, вздохнув, покачал головой:

– В астраханском госпитале рассказывали, что у нас в степи появились бандиты. Это правда? Еще говорили, что эти бандиты грабят население, отбирают скот, а кто сопротивляется, того убивают. Такие случаи бывали?

– В нашей округе есть небольшая группа. Эти люди называют себя «настоящими мужчинами». Они действуют далеко от наших мест, как волки. Ты о них, может, слышал?

– Откуда?

– В начале тридцатых, когда у нас организовывались колхозы, зажиточных людей раскулачили, их имущество и скот передали в колхоз, а хозяев куда-то увезли под конвоем. Потом сказали, что на Урал и в Сибирь. К слову, большинство из них разбогатели в годы Советской власти и батраков не нанимали, сами пасли свою живность. Из нашего села теперь ходят в бандитах Бадма Эрдниев и Окаджи Канкаев.

– А-а, припоминаю, их, кажется, на Урал сослали.

– Да. Их призвали в Красную Армию в начале войны, а они оттуда дезертировали и подались на родину. Встречался я с ними в степи. Они рассказывали, что там, на чужбине, у них умерли родители и почти все дети. «Так зачем же мы будем защищать эту власть?» – говорили они. Что я мог им ответить? Это еще в начале войны происходило. Потом я был в Казахстане с колхозным скотом. А когда вернулся, рассказывали, что они и с немцами-то не очень-то дружили, прятались в камышах.

– Вот вы старше меня всего лет на десять. А почему вы не в армии?

– Какая там армия?! Кто меня возьмет с туберкулезом? Правда, я просился добровольцем, поскольку коммунист. Но в военкомате мне вежливо отказали, дескать, в тылу тоже нужны хорошие руководители. А так из нашего хотона в армию ушли все мужики. Теперь вместо них в колхозе трудятся подростки и женщины. И даже старики, которые пободрее, тоже работают. А как же? Вот и командую этими... Откровенно говоря, трудно больному человеку «воевать» с женщинами и детьми. Только старики меня уважают, а с бабами просто беда... Они меня не только председателем не считают, но и за мужика не держат. Дай им волю, так они вообще колхозную работу делать перестанут, при каждом удобном случае стараются отлынивать. С другой стороны, ведь не придерешься, у женщин забот побольше, чем у мужчин. Детей кормить надо? Надо. В доме прибраться, обстирывать, обштопывать, за скотиной ухаживать, доить ее и кормить надо? Надо. А если дети заболеют? Кто за ними смотреть должен? Опять же – наши женщины! Вот и войой с ними после этого! Приходится чуть ли не каждый день ругаться с бабами. Я вообще опасаясь, как бы мне не свихнуться с ними. Да и сердце в последнее время что-то пошаливать стало... Поэтому как только я узнал, что ты приехал, то обрадовался и сразу, понимаешь ли, к тебе явился.

– Я твои проблемы понимаю, но не смогу ничем тебе помочь, – покачал головой Басанг. – Ты, Лиджи Дорджиевич, меня пойми, я же прибыл ненадолго. Подлечусь – и опять на фронт. Да и что можно сделать за две-три недели?

– Пусть, пусть будут всего три недели. За этот срок ты сможешь наладить воинскую дисциплину в колхозе, а там мы уж сами как-нибудь... Иначе с этими неразумными бабами и подростками мне придется век воевать. А колхозу нужно давать ежегодный план, помогать армии. Ты фронтовик, как только люди увидят твои награды, так сразу зауважают. Правда, фронтовики у нас есть, и даже с наградами, но какой от них толк: одни инвалиды да пустые болтуны и любители заложить за воротник.

– Даже не знаю, что вам сказать...

Пока они так разговаривали да размышляли, в соседнем дворе залаяла собака, а затем кто-то загремел ведрами в чулане, чертыхнулся и открыл дверь. На пороге, подслеповато озираясь, возникла фигура с трубкой в одной руке и палочкой в другой.

– Это Аюш Балдыров, что ли? – спросил Басанг у Лиджи Дорджиевича.

– Конечно, я, а кто же еще? Ты меня не узнаешь, что ли? Неужели я так сильно постарел? – улыбнулся дед.

– Да что вы! Просто я вас столько лет не видел, что подзабыл, как вы выглядите, – попробовал оправдаться Басанг.

– Ничего, ничего. Столько лет не виделись, что немудрено... Ну здравствуй, здравствуй, сынок. А чего вы в темноте-то сидите?

Старик нащупал свободный стул, сел. Лиджи Дорджиевич нашел лампу, запалил фитиль, в комнате стало значительно светлее, только тени от их фигур заматались по стенам жилища. Басанг налил водку в третий стакан, для Аюша. Тот улыбнулся:

– Вы, я вижу, возвращение Басанга отмечаете водкой? Так не годится, не по-калмыцки это. Надо сначала за возвращение человека выпить пиалу джомбы, произнести тост-благопожелание, а потом уж все остальное. Забыли, что ли?

– Вы нас извините, это я виноват: так обрадовался Басангу, что забыл соблюсти обычай, к тому же все о колхозных делах волновался, – попросил председатель.

– Ну ничего, если так, а то я уж начал думать, что молодежь намеренно не придерживается старых обычаев.

Поздравив Басанга с возвращением, Аюш спросил:

– Какие проблемы решаете?

Выслушав ответ, покачал головой и задумчиво произнес:

– Сейчас время трудное, в колхозе каждые руки на вес золота, особенно такие, как твои, Басанг. Мы, старики, тоже стараемся помочь по мере сил. Я, к примеру, сторожу амбар с колхозным имуществом. А ведь нам скоро представать перед Эрлик-номин-ханом – Хозяином потустороннего мира. Ты же, сынок, должен понять, что и здесь в тылу нам тяжело, как и вам на фронте. Поэтому, раз явился на родину, ты просто обязан помочь землякам.

– Хорошо. Завтра же приду в правление колхоза и буду делать то, что скажете.

2

На следующий день в сельском клубе состоялось колхозное собрание. В президиуме сидели Лиджи Дорджиев, колхозный сторож Аюш Балдыров и главбух Боова Саткуева. Басанг опоздал и стоял в нерешительности, глазами отыскивая свободное место в зале. Увидев застывшего в дверях солдата, Дорджи Лиджиевич, перекрывая галдѣж в зале, крикнул:

– Басанг, иди сюда, в президиум. Будешь здесь сидеть!

Колхозники на время притихли, уставившись на вошедшего словно овцы на хозяина, явившегося за одной из них для заклания. Под пристальными взглядами собравшихся Басанг, смущенно улыбаясь, прошел в президиум.

– Знакомьтесь, дорогие товарищи, это Бембеев Басанг, сын Мутула и Ньюдли. К сожалению, покойных. Дай Бог им удачного перерождения на том свете. Так вот, Басанг Мутулович – фронтовик, на груди у него вы видите орден Красной Звезды. Просто так, вы знаете, у нас в стране подобными наградами не разбрасываются. Поэтому вы обязаны его уважать и ценить. Хочу предложить ему должность своего заместителя. Временно, конечно, так как после излечения он отправится добывать немецко-фашистских захватчиков. Прошу запомнить, товарищи колхозники, что Басанг Мутулович – это не то, что я, в случае чего он с вами долго чикаться не будет – сразу под суд и, как говорят наши братья-казахи, – «салям алейкум, Магадан!»

Басанг, смущенно посмотрев в зал, тихо сказал председателю: «Вы меня зачем страшилищем делаете. Не надо», – но тот досадливо отмахнулся, мол, сам знаю, что говорю, и продолжил:

– Время такое строгое, товарищи, сами понимаете – война идет. Фронту позарез нужна наша продукция: мясо, мука и прочий шурум-бурум. А там, глядишь, наши войска и до Берлина дойдут, недолго ждать осталось этого светлого часа. Вернутся наши солдатики, и заживем еще лучше, чем до войны. А если фронтовики спросят: «Как вы, дорогие земляки, помогли фронту, а?» – некоторым ответить-то нечего будет! Э-э-э, Муу-тя, это я тебе говорю, голова безухая!

Услышав свое имя, вскочил клевавший носом лопухий подросток, испуганно спросил у сидевшего рядом старика:

– Что сказал наш председатель?

– За ударный труд Лиджи Дорджиевич хочет премировать тебя ценным подарком, – с усмешкой ответил тот.

– Да ладно вам, у него дождешься! Вечно меня ругает, а главное, ни за что. Даже не знаю порой, в каком углу от него прятаться! Ничего, ничего – кончится война, вернется мой брат, вот тогда посмотрю, как он нашему председателю шкуру спускать будет.

Муутя показал Лиджи Дорджиевичу кулак, но тот про него уже забыл:

– Так вот, я предлагаю избрать Басанга Бембеева моим заместителем. Другие кандидатуры будут? Если нет, будем голосовать.

– Нету, нету, пусть Басанг станет вашим заместителем! Пусть, пусть работает, – загудели колхозники.

– Ну если так, то Басанг автоматически становится членом правления колхоза. Другие мнения есть? Нет? Тогда ты, Басанг, теперь еще и член правления. Поздравим, товарищи, нового члена нашего колхозного правления, новоиспеченного, как говорится! А теперь перейдем к колхозным делам. По правде, и сказать-то мне нечего. Потому что мы еще плохо работаем! Плохо, товарищи! Сами посудите: зима приближается, а мы еще в полной мере не заготовили корма для животных. Как коммунист, буду говорить без утайки. Такой у меня характер. К примеру, на второй ферме работают более двадцати человек. А можно ли их назвать хорошими работниками? Нет, нельзя, потому что они до сих пор не выполнили план по заготовке сена. Вот ты, Бадма Шаркаев, являешься управляющим этой фермой, скажи, почему у вас всё так плохо? А мы послушаем.

Покосившись на председателя, встал мужчина средних лет, оглядел зал, про кашлялся и нехотя произнес:

– А что говорить? Ты, Лиджи Дорджиевич, много раз бывал на нашей ферме и видел, какие у меня работнички. Большинство из них подростки, старики, которые давно одним глазом смотрят на тот свет, а также два инвалида, от которых проку нет никакого: много ли они наработают – один без руки, а второй без ноги? И конечно, женщины. А транспорт – это волы и издыхающие тощие лошади. Хорошие-то Красной Армии понадобились. Раньше в МТС можно было выписать технику, но вы же знаете, что станция закрылась – трактора тоже на фронт отправили. Спрашивается, как можно с такими коллективом и гужевым транспортом успешно выполнять план? Но мы же стараемся, видит Бог, как стараемся...

Горестно махнув рукой, управляющий опустил на стул. Лиджи Дорджиевич с сочувствием поглядел на Бадму:

– Ну хорошо, хорошо, мы твои проблемы знаем, все наше правление знает. Но теперь твои мучения должны закончиться, потому что с сегодняшнего дня тебе будет помогать Басанг Бембеев. Но я хочу спросить о другом: как зимовать будем? Один Всевышний знает, как я боюсь предстоящей зимы, дорогие товарищи! Прошлой лето, вы помните, было засушливым, почти без дождей, и мы не смогли собрать достаточно кормов. Как вспомню, что впереди зима, верите ли, ни есть, ни спать не могу. Ох, боюсь, дорогие товарищи, ох, боюсь!

А недавно я проходил мимо забора Белтрг Ходжиковой и услышал интересный разговор. Эта несчастная говорит своей соседке: «Смотри, Боова, как у моей коровы сегодня живот раздуло, и я надоила почти ведро молока. Видно, она у колхозной скирды целый день была». Таких людей надо обязательно сажать в тюрьму без всякого сожаления! Ты меня, Белтрг, слышишь?

Негодница! Дорогие товарищи, мы все в эти дни должны в первую очередь думать о колхозной, а потом уж о своей живности. Так вот, теперь, как только за-

станем частную скотину у колхозных скирд, сразу загоним ее в колхозный двор. Это ответственное задание я поручаю пионерам. Пионеры здесь есть?

– Есть, есть!

– Вы, юные пионеры, должны брать пример с Павлика Морозова. Помните? Этот смелый русский мальчик родного отца и дедушку не пожалел и сдал работникам НКВД за то, что они покусились на колхозное добро. Я надеюсь, что у нас в хотоне найдутся свои павлики морозовы...

– Неужели в нашем хотоне найдется такой глупый мальчик?! Вы, Лиджи Дорджиевич, зачем такие странные вещи говорите? Зачем вы нашим неразумным ребятам даете такие дурные советы? – послышался из зала испуганный женский голос.

– Э-э, Белтрэг, боишься? Тогда присматривай за своей скотиной, а то я тебя, с помощью хотонных павликов, посажу. Кстати, у тебя же во дворе есть своя скирда сена, так вот завтра же я к тебе приду со спичками.

– Странный человек! Моя единственная корова ему помешала! Завидует, что ли? У самого во дворе никто не блеет и не мычит. Жена его ко мне каждый вечер за молоком приходит. Ну пусть только заглянет! С сегодняшнего дня будешь пить черный чай! – разозлилась женщина.

– На чем я остановился? – спросил председатель у зала.

– Вы сказали, что собираетесь Белтрэг посадить в тюрьму.

– Э-э-э, я не это хотел сказать. Как я посажу ее в тюрьму? Муж придет с фронта, спросит: «Где моя жена?» – а что я ему отвечу? О Белтрэг я просто так сказал, в качестве примера. Я имел в виду, что вы все должны внимательнее присматривать за своими животными. Иначе от колхозного сена ничего не останется. В этой связи мне вспоминаются, – вдруг хихикнул председатель, – предвоенные годы: когда кончались корма, наши чудо-батыры делали вылазки на соседние колхозные уголья и возвращались с возами отборного сена.

«Эти молодцы косят сено на снежных барханах», – смеялись однохотонцы. Теперь эти батыры все на войне. А случись им заняться таким промыслом сейчас – мигом бы оказались в тюрьме.

– Наш председатель уж больно свиреп: чуть что, сразу всех в тюрьму упечь готов. Хорошо, что он человек не очень решительный, а то мы всем колхозом оказались бы там, куда Макар телят не гонял, – смеялись в зале.

– Так вот, дорогие мои, на Урале и в Сибири построено много заводов, которые делают танки и самолеты для фронта. Вот если бы в нашем колхозе построили завод по изготовлению рабочих рук, то мы бы горя не знали: в хозяйстве было бы столько работников, что любые планы были бы нам по плечу. Только наши ученые пока такой завод не придумали. Поэтому надо готовиться к зиме, на дворе ноябрь, скоро снег выпадет. Прямо страшно становится. Как скот зимовать будет? Или заранее готовить ножи?

3

Собрание закончилось. Басанг в сопровождении председателя, Аюша Балдырова и бухгалтера Саткуевой отправился в колхозную контору, где Лиджи Дорджиевич долго и обстоятельно объяснял, в чем заключаются обязанности его нового заместителя и на что в первую очередь стоит обратить внимание на второй ферме. Прощаясь, вздохнул:

– Жаль, что ты у нас долго не задержишься, а то бы мы с тобой... Но ничего, вот закончится война, мы назначим тебя председателем вместо меня, а я уйду на покой. Я же больной человек. Но об этом потом, а сейчас ты, не мешкая, поезжай на ферму с Бадмой. Там с ним и живи, набирайся опыта. В будущем пригодится.

В тот же день они с Бадмой Шаркаевым отправились на ферму, которая оказалась довольно далеко от центральной усадьбы колхоза. В степи дул холодный пронизывающий ветер. Бадма, поживаясь, пытался укрыться за высоким воротником полушубка. Басанг оглядывал серую окрестность. Когда-то давным-давно он мальчишкой скакал с пацанами по этим буграм и оврагам, нахлестывая плетью лошадь. Сейчас же эта серо-зеленая степь казалась ему незнакомой, чужой. Было непривычно тихо. Лишь изредка какая-то птаха несмело щелкала в траве, но увидев одинокую телегу с седоками, замолкала: кто знает, что у этих странных людей на уме, вдруг у них есть железная палка, которая грохочет и плюется огнем и дымом, после чего все живое падает замертво. Уж лучше не высовываться от греха подальше.

Это на первый взгляд кажется, что калмыцкая степь ровная, как протянута ладонь. На самом деле древняя земля испещрена балками, глубокими оврагами, лиманами, а также природными и рукотворными курганами. В низинах растет кустарник волчьей ягоды, в котором скрывается всякая звериная мелочь вроде хорьков, корсаков и лис. Суслики – те стараются держаться подальше: не ровен час, попадешь кому-нибудь в лапы, тогда несдобровать, ведь сусличье мясо любят все в калмыцкой степи. Поэтому грызуны селятся на ровном месте обширными колониями, где всю весну, весело насвистывая, отъедаются после длительной зимней спячки и между делом заготавливают корм на предстоящую зиму. Хорошо, если норки находятся рядом с посевами пшеницы, ржи или ячменя, а если нет, то не беда: можно обойтись травкой и вкусными кореньями. Любители полакомиться жареным сусличьим мясом увидят его только на калмыцкий праздник весны Цаган сар, который отмечается в феврале. Басанг, как и все калмыки, любил мясо этих зверьков. Он вспомнил, как весенней порой он с ребятами выходил в степь и, черпая ведрами воду из ближайшей лужи, заливал их лунки, откуда, фыркая и отдуваясь, показывались мокрые головки сусликов. И тогда уж не зевай – хватай грызуна за тонкую шейку, иначе уйдет назад в затопленное жилище и ни за что обратно не вылезет, предпочтет там захлебнуться и умереть, лишь бы не попасть на стол к степнякам. Скольких сусликов съел Басанг за годы своего детства, и не счесть. В голодном тридцать третьем году сюда пришли русские и украинские семьи, калмыки научили их ловить и готовить этих зверьков. Многие из переселенцев так и остались жить среди калмыков и в русских селах, и теперь без суслятины уже не могут.

Телега начала спуск в глубокую балку. Бадма показал кнутовищем в сторону кустов:

– Там еще летом я видел волчат, но трогать не стал, потому что где-то рядом должны находиться их родители. Опасные звери, очень мстительные. За смерть детенышей способны порезать всю отару, и может не поздоровиться даже людям. Сколько таких случаев было... Теперь волчата, конечно, повзрослели, сами себя, небось, кормят. Сейчас уже трудно определить, какой из волков взрослый, а какой молодой. Потом они обзаведутся собственными семьями. Их никто не любит, но уважают, пожалуй, все. Недаром многие калмыцкие рода зовутся волчьими. Особенно много таких родов у дервюдов. А так, конечно, этих умных хищников надо истреблять. Иначе они сильно расплодятся и примутся резать домашних животных. Причем они, врываясь в отару, режут всех подряд, а уносят лишь парочку овец. Видимо, пьянеют от запаха крови.

В глубокой балке тишина, ветер дует поверх нее, поэтому тут тепло, а кусты еще зеленые. Здесь и летом царят покой и безмолвие, нарушаемое лишь журчанием холодных ключей с пресной водой. Но есть в прохладной балке еще одна скры-

тая угроза: заглотив лягушек или мышей, в ней любят отдыхать змеи, наиболее опасные из которых – степные гадюки, их укус бывает смертельным для людей. Если, конечно, рядом не окажется человека, умеющего обрабатывать укус змеи. Однажды весной, когда калмыки еще кочевали по бескрайним степям, а Бадма был еще маленьким, его хотон стал лагерем рядом с балкой. Как-то у них пропал теленок. Где же ему быть – конечно, прячется в балке, решили родители Бадмы и отправили его туда на поиски. Не успел мальчик пройти по дну балки и сотни шагов, как почувствовал легкий укол и тут же увидел извивающееся тело быстро удаляющейся серой змеи. Он не сразу сообразил, что эта змея его укусила, а поняв, испугался и быстро поднялся в хотон. Хорошо, здесь был знахарь, который дал Бадме какое-то горькое снадобье, потом смазал две маленькие точки на ноге мазью, туго перебинтовал и ободряюще сказал:

– Все обойдется, парень, жить будешь.

Так и случилось. Сначала нога распухла настолько, что стала похожа на бревнышко, а потом опухоль быстро сошла. Только с той поры Бадма, прежде чем спуститься в балку, стал обувать сапоги.

Невозможно всю дорогу ехать молча. Да и должны же новые знакомые хоть немного узнать друг о друге. Басанг чувствовал, что Бадме хочется поговорить. Поэтому начал первым:

– Ну, что, Бадма, досталось тебе сегодня от председателя?

– Досталось, – улыбнулся в ответ Бадма. – Если честно, то я на него не в обиде. А как ты хотел – такая это работа. Нелегкая, надо сказать. К тому же он не только мой давний приятель, но и близкий родственник. Когда у нас организовывался колхоз, мы с ним учились в ликбезе. До этого я знал лишь несколько русских букв, но слова из них складывать не умел. А нам ведь было уже около тридцати. Но в ликбезе мы с Лиджи научились считать и писать, а потом уже стали читать газеты, книги. Сколько раз я хотел бросить учебу, поскольку стеснялся мальчишек и девочек, учившихся вместе с нами! Каждый раз меня удерживал Лиджи Дорджиевич. А ведь раньше работал в колхозе конюхом, чабаном, пас гурты. Накануне войны, когда Лиджи выбрали председателем, он назначил меня управляющим фермой.

– Ну, это понятно – родственник все же, получается, что ты по благу пролез в начальство, – пошутил Басанг.

– Э-э-э, я проклял эту работу, сколько раз я просил Лиджи освободить меня от этой должности, надоело ругаться по каждому пустяку с неразумными бабами. А он: «Потерпи, Бадма, до конца войны, а там работай, где хочешь, и делай, что тебе вздумается, удерживать не буду. Станешь упрямитесь – отдам под суд по закону военного времени, как саботажника». Что ты ему скажешь?! Вот и работаю, сжав зубы. Скорее бы война кончилась, что ли, – тяжело вздохнул Бадма.

– Ты на меня не обижайся. Я ведь ваших колхозных порядков не знаю, до войны работал в Элисте на ремзаводе. Я бы после госпиталя опять в Элисту поехал, но мне сказали, что дом, в котором я жил, разбомблен. Вот и оказался я опять в родном колхозе. Да и тянуло меня на мою малую родину все эти годы. К тому же здесь могилы родителей. Как сюда не приехать?! Только никак не ожидал, что Лиджи Дорджиевич начнет уговаривать стать его замом. Думал – отлежусь здесь немножко, а потом опять на фронт. Куда от этого денешься, надо же кому-то воевать... А пока стану помогать колхозу, как смогу. Но будет ли от меня толк? Бадма, ты как человек опытный, вынужден будешь мне подсказывать, советовать, какой работе уделять особое внимание, а какую – временно отложить. Даю слово, что спорить и скандалить с тобой не буду.

– Хорошо, Басанг, будем помогать друг другу, – коротко ответил Бадма.

За разговорами подъехали к небольшому хотону из двух десятков саманных домиков. Бадма слегка огрел кнутом старого коня по тощему боку, тот встрепенулся и, подняв хвост, словно черный пиратский флаг, затрусил к землянкам.

– Э-э, ленивая скотина! – воскликнул Бадма и хлестнул животное уже посильнее. Конь, словно вспомнив молодость, помчался так, что быстро пересек короткую улицу и вынес телегу с седоками на другой край села.

– Он, видимо, балуется, наш дом проскочили, – натянул поводья Бадма, придерживая не в меру расшалившуюся лошадь. – Его зовут Харада, по-русски значит «Ласточка», – кивнув на коня, усмехнулся Бадма. – Мы его еще до войны хотели списать и отправить на мясокомбинат, но пожалели и решили придержать, пока шевелится и может таскать телегу. А ведь в тридцатых годах Харада в улусных скачках занимал призовые места и славил наш колхоз.

В мае 35-го в Элисте проходила национальная Олимпиада, и там наш Харада отличился: опять занял призовое место. Поэтому я решил, что эта лошадь достойна лучшей участи: пусть живет, сколько отпущено Богом. Правда, на такой работе она может долго не протянуть. Вот я и подумываю скоро вообще освободить Хараду от всякой работы в колхозе – пусть отдыхает. Чего ты смеешься? – заметив, что Басанг улыбнулся, спросил Бадма и, не дождавшись ответа, продолжил: – Еще летом сорок первого я об этом Лиджи Дорджиевичу сказал, однако он моего мнения не разделил: «Ты что, из коня хочешь пенсионера сделать?! Не дури! Даже старики у нас пенсию не получают. Его надо хорошо откормить и на праздник Зул зарезать, а мясо распределить между колхозниками». Но скоро началась война, и лучших коней мобилизовали в Красную Армию. Так что мой Харада опять пригодился колхозу.

– А ты правильно сделал, что не отдал лошадь на заклятие, – одобрил Басанг, с уважением глядя то на Бадму, то на старого коня.

Предварительно освободив лошадь от упряжи, Бадма привязал ее к яслям. После этого новые друзья зашли в землянку.

4

Там было шумно. Киштя, жена Бадмы, сидела за шитьем, поглядывая на расшалившихся детей. Пятерых мальцов насчитал Басанг. Старший, лет пятнадцати-шестнадцати, что-то читал за столом при свете керосиновой лампы. Остальные, увидев незнакомого человека, разом притихли и устались на Басанга. Ему стало неудобно: в кармане не было ни конфет, ни даже какой-нибудь мелочи. «Ладно, – подумал Бембеев, – выберу время, съезжу в колхозный магазин и накуплю сладостей». Он не предполагал, что у Бадмы есть семья, но должен был, конечно, догадаться.

– Ну, жена, встречай дорогого гостя. Наш новый начальник Басанг Бембеев, зампредела колхоза. Сегодня на собрании так решили. Кажется, у нас что-то такое было? Доставай.

Киштя отложила в сторону шитье, вынула из шкафа бутылку водки и поставила на середину стола. За ней последовал еще теплый дотур в большой чашке, ломоть хлеба, калмыцкий чай. Сама за стол садиться не стала, а присела в полутемном углу. Мальши встали у теплой печки, зашептались, поглядывая на мужчин. Старший сын ушел во двор кормить и поить животных. Бадма налил по пиале чая и, произнеся благопожелание гостю, отхлебнул чуть-чуть. Басанг последовал его примеру. Выпив затем немного водки, они заговорили о колхозных делах. Говорил больше Бадма, а гость уважительно молчал и слушал, поскольку о колхозных проблемах сказать ему было нечего. Однако он догадывался, что дела в этом хозяйстве идут не очень.

– До войны наш колхоз был на хорошем счету у руководства улуса, и колхозники стали жить неплохо. В каждом дворе по паре коров, десятка два, а то и больше, овец стояло. А Лиджи Дорджиевича даже хотели к ордену представить, об этом ему по секрету сообщил секретарь улускома. Но началась война, и про орден для председателя улусное начальство забыло. Конечно, когда такое началось, не до наград стало. Всем известно, что наш славный председатель за словом в карман не лезет и доклады никогда не готовит, предпочитает выступать экспромтом. Хоть и не всегда удается уследить за ходом его мыслей, но слушать интересно. Вот и в тот раз собрание открыл Лиджи Дорджиевич.

«Дорогие товарищи коммунисты, э-э-э... комсомольцы, э-э-э... пионеры, э-э-э... и дорогие старики! – заговорил он, запинаясь. Видимо, сильно волновался. – Началась война, и это хорошо».

«Что он говорит, чего хорошего, что война началась?! – возмущенно закричали женщины. – Ты что, председатель, свихнулся, что ли?»

«А ну-ка замолчали все! Война долго не продлится! Наша непобедимая Красная Армия скоро врага опять погонит, до самого Берлина погонит! Забыли, как на Хасане да на Халхин-голе японцев за две-три недели разбили, а? А финскую войну забыли? Таким же образом и немца разобьём! Вот увидите, наша армия наголову непременно разобьёт фашистов и с победой вернется домой! Так ведь, молодежь? Если понадобится, то и я добровольцем пойду на фронт».

Люди притихли.

«Так вот, про эту войну даже не хочется много говорить, все знают, что она долго не продлится. Поэтому перейдем к нашим хозяйственным делам», – пренебрежительно махнув рукой, сказал Лиджи Дорджиевич.

«Теперь вы, уважаемый председатель, по традиции опять будете ругать своего двоюродного брата», – засмеялись колхозники.

«За последние годы нам удалось стать передовым хозяйством в улусе, – не обращая внимания на насмешки, продолжил Лиджи Дорджиевич. – Поэтому на недавнем заседании правления мы решили основное внимание уделить вам, дорогие животноводы. На всех чабанских стоянках вместо “буржук” будем ставить кирпичные печки, как в соседнем русском колхозе. Сами понимаете, что железной бочкой опасно обогреть жилище, может случиться пожар. Где тогда будут зимовать наши чабаны, а? Вот то-то же!»

Недавно я ездил в соседний колхоз искать печника. С помощью тамошнего председателя нашел мастера, который сказал, что нужно много кирпича, и подсчитал, сколько понадобится на одну печку. Словом, нам надо материалы для печей получить на кирпичном заводе в Элисте или в Астрахани. Не сегодня-завтра необходимо отправиться на пяти или шести телегах в Астрахань. Кроме этого, нам нужны стекла, известка и прочие стройматериалы. В нашей степи их не достать. Честно говоря, надоело по пустякам беспокоить соседей. Ей Богу, стыдно из-за куса доски да ведра извести тревожить занятых людей, уважаемые товарищи! Мы ведь строим социализм, не надо об этом забывать! А сколько раз я напоминал о наших нуждах улусным начальникам?! Ведь с момента организации колхоза до сих пор ничего не изменилось. Разве может чабан работать лучше прежнего в таких условиях? Ни за что не будет, правильно?»

«Правильно, правильно», – закивали все головами.

«Но, товарищи, все эти планы нам придется отложить до тех пор, пока наша славная армия не разобьёт фашистов. Думаю, что война продлится недолго...»

Прошел год. Немец все еще наступал, и поэтому колхозники готовились перегонять общественный скот в Казахстан. Поеживаясь под ехидными взглядами женщин, больше всех суетился Лиджи Дорджиевич.

«Ну что, уважаемый председатель, когда же Красная Армия разгромит врага в его логове? Как мудрый стратег, вы должны точно знать, когда это произойдет. Придет сюда немец или нет? А если нет, тогда почему мы со своими овечками да коровками должны отправляться в дальние края?» – горько подшучивали колхозницы над своим начальником.

Собираясь с мыслями, он некоторое время молчал. Однако, чтобы не уронить авторитет в глазах этих глупых женщин, необходимо было дать им достойный ответ:

«Идите, знаете куда! Вы, безухие головы, слышали, что сказали Молотов и Михаил Иванович Калинин? Нынешняя война будет долгой и кровопролитной! И нельзя сравнивать Великую Отечественную с Финской, Халхин-голом и Хасаном. Потому что Гитлер, прежде чем напасть на нашу страну, завоевал пол-Европы. Теперь покоренные немцами страны обеспечивают их оружием, солдатами и техникой. Поэтому война кончится не скоро, но рано или поздно Красная Армия разгромит немца в его же логове! Или вы считаете по-другому?» – строго посмотрел на притихших колхозниц Лиджи Дорджиевич.

«Нет, нет, как же мы будем считать по-другому? Мы тоже с вами согласны, наша армия обязательно дойдет до Берлина», – испуганно попяtilись женщины.

«Смотрите на них, может, вы врагов ждете?! Тогда зачем ведете паникерские разговоры? В тюрьму захотели? Так не получится! Вас, по закону военного времени, сразу расстреляют по приговору трибунала. А как же ваши дети без вас будут жить?» – напоследок напустил он страху на поспешно уходящих женщин. Те ускорили шаг. Увидев, что его слова произвели на них неизгладимое впечатление, Лиджи Дорджиевич довольно рассмеялся.

Кстати говоря, намучились мы с этим перегонем скота в Казахстан. Поскольку перед нами прогнали свою живность украинские, ростовские и ставропольские колхозники, растительность была съедена и выбита копытами животных. И колодцы по пути, как оказалось, не были почищены. Даже вспоминать не хочется, сколько скота мы тогда потеряли по пути и в самом Казахстане. Хорошо, что казахи нам помогли с кормами, с травостойными угожьями, а то было бы еще хуже. Но все же обратная дорога была полегче: мы вернулись почти без падежа, – вздохнул Бадма.

За разговорами Бадма с Басангом не заметили, как за окном начало смеркаться. Послышался мягкий топот коровьих копыт. «Хоу, хоу, хоу», – зазывали хозяйки во дворы своих кормилиц. У Бадмы во дворе послышался равномерный звук падающих в ведро струек. Вскоре вошла Киштя с ведром молока.

– Басанг, ты понял, что будешь жить у меня? – сказал, как отрезал, Бадма.

– Как же я тут размещусь, у тебя и так тесно, – попробовал было возразить гость.

– О детях можешь не беспокоиться, они привыкли спать на глиняном полу. Не обращай внимания на эти мелочи.

– Ну хорошо, – нехотя согласился Басанг. Ему было явно неудобно стеснять гостеприимных хозяев. – Может, здесь найдется какая-нибудь вдова или свободная землянка, тогда я сразу перейду туда, – и виновато улыбнулся.

– Договорились, – тоже улыбнулся Бадма.

5

В начале декабря Басанг Бембеев отправился в улусный центр в военкомат – сообщить, что он живет у Бадмы Шаркаева на ферме, а заодно узнать, когда ждать повестки. Для такого случая Бадма дал ему свою Ласточку и на всякий случай предупредил, чтобы не очень гонял старого коня. Военком, немолодой уже мужчина, не глядя в глаза Бембееву, ответил:

– О вас должно прийти распоряжение «сверху». Когда придет, мы вам сообщим.

– Ясно, товарищ капитан, буду ждать распоряжения, – по-военному крутнулся через левое плечо Басанг, готовясь уходить.

– Погоди, Басанг, не спеши, я хочу сказать тебе кое-что, – послышался голос сзади.

Бембеев вернулся к столу. Военком по-стариковски пожевал губами и осторожно сказал:

– Честно сказать, я даже не знаю, что и думать, только недавно «сверху» пришел секретный приказ о том, чтобы калмыков временно не призывать в Красную Армию. Какова причина, я не знаю. Вот сижу, голову ломаю. Обращался за разъяснениями в Элисту, но и там ничего сказать не смогли. Видимо, даже там не знают. Только дай мне слово, что никому не расскажешь об услышанном. Даешь слово?

– Хорошо, никто не узнает о нашем разговоре, – кивнул Бембеев.

Сев на коня, задумался: «Действительно, почему же калмыков не будут брать в Красную Армию? По какой причине? Конца войне еще не видно. Может, и в будущем году придется воевать. Немец ведь просто так не сдастся. Казалось бы, фронту нужны хорошие бойцы. А калмыки всегда считались превосходными воинами, если вспомнить прошедшие войны России с турками, шведами, французами, с теми же немцами, в которых калмыцкая конница часто считалась ударной силой. А если учесть недавние бои на Дону, то не дрогнула 110-я калмыцкая дивизия: держалась почти две недели, и если бы не соседняя дивизия, не выдержав бомбежек, не оставила своих позиций, то калмыки продержались бы еще неизвестно сколько. Так почему же теперь калмыков не считают нужным призывать в армию? Непонятно и подозрительно что-то...»

В хотоне его ждали Лиджи Дорджиевич и Бадма Шаркаев. Узнав, что Басангу в военкомате повестку не дали, они обрадовались.

– Это хорошо, война не убежит, обязательно тебя призовут. Умный военком, видимо, решил, что колхозу лишний человек не помешает. Дай Бог ему здоровья и много скота во дворе. Побудешь еще немного в помощниках у Бадмы, а там видно будет. Может, к тому времени и война кончится, вернутся домой наши фронтовики, и тогда заживем по-человечески. Так ведь, Басанг? – радостно журчал голос председателя.

Настроение друзей передалось Бембееву, и слова военкома о том, что калмыков приказано не призывать в армию, отошли на второй план, а потом в хозяйственных хлопотах как-то забылись. А работы было много, поскольку надвигалась зима, которая предполагалась холодной и снежной. И надо было торопиться завезти на чабанские точки заготовленное еще осенью сено в лиманах. Снежной зимой сделать это будет трудно. Бембеева рана уже не так беспокоила, поэтому он с подростками и женщинами грузил на телеги сено, которое потом с ними же разгружал уже на животноводческих стоянках. Колхозники возвращались домой, когда на небе загорались первые звезды. И так каждый день. Где уж тут думать о каком-то непонятном приказе!

Заканчивался 1943 год. По сложившейся традиции колхозное правление созвало общее собрание, которое, как всегда, открыл Лиджи Дорджиевич. Привычно строго оглядев галдящий зал, он поднял руку, и шум постепенно улегся, наступила тишина.

– Дорогие товарищи! Коммунисты, комсомольцы и наши, так сказать, старики! Этот год мы неплохо поработали. Это просто удивительно. Потому что только весной мы пригнали скот из Казахстана. Несмотря на это, год мы провели почти без потерь. Большая заслуга в этом, я прямо скажу, бригадира второй фермы Бадмы Шаркаева, – все с уважением посмотрели на засмущавшегося Бадму. – Конечно, тут необходимо отметить и нашего фронтовика Басанга Бембеева, который, невзирая на ранение, добровольно взялся помогать колхозу, – все, словно впервые видят, с

интересом уставились на Бембеева. – Однако, дорогие мои, нельзя забывать, что война еще не кончилась. Поэтому надо собраться с силами и обеспечивать фронт мясом, лошадьми, теплыми вещами.

Но не получается хорошо обеспечивать Красную Армию, поскольку не экономятся корма. Это я тебе говорю – Эренджен Мутулов! Я твоих двух коров много раз заставлял у колхозной скирды. Ты почему не смотришь за своей скотиной, а? Ведь мы на каждом собрании об этом говорим. Все же соглашаются, что за коровками пригляд нужен, ты тоже всегда головой киваешь. Смотри, Эренджен, увижу твоих коров у колхозной скирды, загоню в колхозный гурт! Ты слушаешь меня? Дярк, дярк, что я говорю?! Твои коровы будут лишними в колхозном стаде, потому что, если зима будет снежная, самим сена может не хватить. Эренджен, не нужны твои коровы колхозу. Так что провались ты со своими коровами к Эрлик-номин-хану! Я заметил, что у тебя во дворе есть приличный стог сена, и если так будет продолжаться, то я обязательно приду к тебе с коробком спичек. Пусть потом меня сажают в тюрьму, я не боюсь.

Все осуждающе посмотрели на Мутулова. Тот, покраснев, спрятал голову в воротник полушубка. Председатель долго смотрел на него, а потом устало сказал:

– Сколько раз я тебя просил, чтобы ты смотрел за своими животными, сколько раз я тебе говорил, что оштрафую тебя? Ты же всегда отвечал, что все будет сделано, а сам ничего не меняешь. Ну как тебя еще просить, может, мне перед тобой на колени встать? Видеть тебя не могу! Но оставим эту тему. Поговорим лучше о приятном: работу нашего колхоза отметили в улуском партии. Первый секретарь так и сказал: «По-стахановски работаете, товарищ Лиджиев. А самых активных работников надо отметить и наградить ценными подарками». Вот теперь наше правление будет заниматься этим вопросом, готовим списки передовиков, а потом отправим их в улуском.

Все заплодировали. Раздались восторженные возгласы: «Ай да председатель! Молодец!»

– Так вот, в улуском меня попросили, чтобы я подготовил к награждению орденами двоих передовиков. Правление решило рекомендовать Севи́га Джавкаева и Белтрг Джаднаеву.

Колхозники опять заплодировали. Председатель, перекрывая шум, добавил: – В улуском принято решение наградить наш колхоз переходящим Красным Знаменем. Эту дорогую награду мы заслужили ударным трудом, поэтому должны работать еще лучше, руками, зубами это знамя должны удержать. Иначе Красное Знамя уйдет в другое хозяйство, в другой улус, товарищи! Вопросы есть? Кто хочет поделиться мнением? Нету таких? А мы же забыли поздравить Джавкаева и Джаднаеву. Поздравим их и закрываем собрание. Больше мне нечего сказать вам. Следующее собрание, я думаю, состоится в марте наступающего сорок четвертого года. До свидания, товарищи!

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

После собрания колхозники шумной толпой вывалили на улицу. Было темно и тихо. Иногда, словно делясь последними новостями, лениво перебрехивались собаки, во дворах шумно вздыхали коровы. Но что это? Издалека, все нарастая и усиливаясь, послышался гул работающих моторов. Дружно залаяли собаки. За недалеким горизонтом тревожно металось яркое зарево. Вскоре, переваливаясь с бугра на бугор, показались десятки автомобильных фар. Прошло ещё несколько

минут, и по улицам хотона медленно проплыли большие тентованные машины. «Студебеккеры» – отметил про себя Басанг. Он видел такие машины на передовой и в тылу, когда лечился в госпиталях. На них перевозили раненых.

Басанг и Бадма с интересом наблюдали, как «Студебеккеры» один за другим остановились у колхозного клуба, откуда они только что вышли. Потом из кузовов, тревожно озираясь по сторонам, выпрыгнули солдаты. Лиджи Дорджиевич спешил домой, но, заметив, как из кабины вышел офицер, направился к нему. Тот, разминая ноги, несколько раз присел, пружинисто вскочил, а потом поздоровался с председателем, представился:

– Я майор НКВД Куликов, приехал в ваше село по делам. Вы кто будете?

– Я председатель колхоза Лиджи Дорджиев.

– Давайте зайдем в этот дом, поговорим.

– Поговорим.

Майор с председателем вошли в клуб, а Басанг с Бадмой, потоптавшись некоторое время в ожидании Лиджи Дорджиевича, пошли к лошадям. Не глядя друг на друга, вскочили на коней и так же молча поскакали на свою ферму. Еще издали они увидели огни фар, а заехав в поселок, опять увидели те же американские автомобили. «Почему же эти машины заехали так далеко от фронта, что за дела могут быть здесь, в глухой калмыцкой степи?» – терялся в догадках Басанг. Похоже, то же самое думал и Бадма.

– Наверное, они приехали ловить дезертиров и бандитов. Однако им придется трудновато, – кивнул Бадма головой в сторону солдат НКВД, – ведь эти камыши тянутся почти до самой Волги, а это десятки километров. В таких зарослях трудно найти человека.

– Ты так думаешь? Ну что ж, все может быть, – с сомнением покачал головой Басанг.

На следующий день в дом к Бадме пришел солдат, который сообщил, что их вызывает к себе командир.

– А по какому делу? – поинтересовался Бадма.

– Не знаю, командир сам скажет, – коротко ответил солдат и тут же исчез.

– Хорошо, пойду, узнаю, – бормотнул Бадма, надевая фуфайку.

– Подожди, вместе пойдем, – засобирился Басанг.

– Тебя же не вызывали, – удивился Бадма.

– Ты забыл, что я зампредседателя колхоза. Тоже ведь должность немаленького начальника, – засмеялся Басанг.

Так, перешучиваясь, они зашли в дом, где расположился командир. Тот как раз стоял у окна в ожидании вызванных. На плечах этого человека вошедшие заметили погоны капитана. Тот, увидев степняков, широко улыбнулся:

– А-а-а, заходите, заходите, милости прошу. Вы заведующий этой фермой Бадма Шаркаев? А вы, простите, кто будете? О, вы, похоже, фронтовик, и награды есть! А за что награждены Красной Звездой и медалью? – уважительно протянул капитан. – Я капитан Устинов.

– А я сержант Бембеев. На фронте с декабря сорок первого. Начал воевать в Калмыцкой кавдивизии на Дону, а после ранения уже в других частях, преимущественно в разведротях. Последнюю награду получил за поимку ценного «языка».

– А ну-ка, ну-ка, расскажи подробнее, как это было? Я, знаете ли, люблю слушать фронтовые рассказы. После войны думаю написать книгу о войне. Ну, то, что видел, слышал. Я по образованию филолог.

– Да что там рассказывать, обыкновенное дело, пошли с ребятами да приволокли немца в свой окоп, – засмутился Басанг.

– Нет, нет, я вас очень прошу рассказать, это для меня важно!

– Ну хорошо. Хотя я рассказчик так себе – не очень умелый. В общем, в нашей группе было семеро бойцов. Мы получили задание взять любого «языка», но по возможности офицера. Поползли, значит, темной ночью в сторону немецких окопов. Продолав, как полагается, обширный проход в колючей проволоке на нейтральной полосе, двинулись дальше. По пути встретилась огромная воронка от авиабомбы. Решили передохнуть, привести себя в порядок. Было тихо. Неожиданно безмолвие нарушили едва слышимые голоса. Длилось это несколько секунд, а потом опять все затихло. Мы напряглись, приготовив ножи, гадая, сколько же может быть в разведгруппе немцев. А в том, что это были немцы, мы не сомневались, поскольку кто еще может быть на нейтральной полосе. Конечно, мы догадались, что они двигались к нам с таким же заданием, что и мы. Сидим, значит, в воронке, ждем, вглядываясь в темноту. Вскоре заметили неясные силуэты ползущих людей. Вскочили и за несколько секунд ликвидировали шестерых немцев, а седьмой среагировал и выстрелом из пистолета ранил нашего товарища. Я ногой выбил пистолет немца, но уже было поздно: поднялась стрельба, в небо со стороны гитлеровцев взмыли осветительные ракеты. Стало светло. Мы подхватили нашего раненого товарища, «языка» и, где бегом, а где перебежками, кинулись к нашим позициям. Немцы, поняв, что с их разведчиками случилось непоправимое, уже вовсю шпарили по нам из пулеметов, а потом подключили минометы. Одна из мин разорвалась прямо передо мной. Что дальше было, не помню. Очнулся в санбате. Оказывается, кроме меня, ранило еще троих, но «языка» доставили живым и невредимым. А потом был госпиталь. Нас всех наградили орденами Красной Звезды, мне награду вручил главврач госпиталя. А сюда я прибыл для долечивания, потом должен отправиться на фронт. Раньше я жил и работал в Элисте, но там, мне сказали, все разгромлено, разрушено, потому решил на время обосноваться в родных краях. Здесь могилы моих предков, здесь лежат мои родители. Раны мои затянулись, а в военкомате почему-то сказали, чтобы я ждал специального распоряжения «сверху».

Мужчины на некоторое время примолкли. Каждый думал о чем-то своем.

– Вы, Бембеев, смелый человек, воин. Если бы все так воевали, то война давно кончилась бы. Но, к сожалению, не все ведут себя героически, в эту войну оказалось так много предателей. И среди калмыков оказались такие, очень много таких, кто предпочел служить у немцев, а не защищать родину. Сколько патриотов и партизан было выдано оккупантам этими отщепенцами! Такая весть дошла до Москвы. Товарищ Сталин очень недоволен калмыками. Вы, Шаркаев, должны знать, сколько предателей прячется в вашей степи.

– Кто их считал, этих предателей, только в нашем селе нет таких и дезертиров тоже нет – все мужчины воюют. Это я вам говорю точно. Вот вы, капитан, сказали, что среди калмыков есть много предателей, а сколько калмыков воюет на фронтах, сколько степняков отдали жизни за родину и Сталина, вы считали? Из каждой семьи на фронт ушли мужчины, даже женщины воюют. А сколько вдов и матерей в нашем хотоне остались без мужей и сыновей?.. Если не верите, пройдемся по домам, поговорим с ними, – искоса метнул взгляд на капитана Бадма.

– Ну хватит, хватит, я вас вызвал по другому делу, – мягко перебил Бадму капитан. Меня интересует, сколько у вас в селе проживает мужчин, женщин, сколько семей, сколько крупного и мелкого скота имеется в каждой семье.

– Такую справку вы можете получить в сельсовете на центральной усадьбе колхоза. Если у вас больше ничего нет к нам, то мы пойдем, очень уж дел в хозяйстве много. Никто их за нас не сделает, – встал Бадма.

– Хорошо, идите, работайте, – улыбнулся капитан Устинов.

– Не нравится мне этот Устинов, все время улыбается. Считает, видимо, нас, калмыков, темными, глупыми людьми. А то, что этот капитан считает калмыков бандитами и предателями, понятно. Не-е-т, от таких людей надо держаться как можно дальше!

– Ты что-то очень уж грубо разговаривал с капитаном. С ними так нельзя, как-никак в НКВД служишь, – укорил друга Басанг, – он сюда прибыл по каким-то делам, а не просто так. Какое-то задание они получили.

Так они, разговаривая, шли по улице. Из-за домов вышел какой-то солдат и направился к ним. Поздоровался.

– Меня зовут Вася Шишкин. Раньше я о калмыках ничего не слышал. Правда, замполит по дороге сюда немного рассказывал о вас. Только мне стало интересно, как здесь люди живут. Вот и прошелся по вашим улицам. Ведь я сам из деревни, из Ивановской области.

– И что? Понравилось тебе у нас? – улыбнулся Бадма. Ему приглянулся этот вежливый русский паренек. Бадме захотелось погладить его по голове. – Если интересуешься нашим житьем-бытьем, то пошли к нам, гостем будешь. Настоящим калмыцким чаем угостим.

– Я бы пошел, но нам приказали, чтобы мы к местным в дома не заходили, – пригорюнился Вася.

– Мы тебя мясом с наваристым бульоном угостим. Твой капитан не узнает, что был у нас в гостях, никто ведь нас не видит. Мы никому не скажем, – ласково сказал Басанг. Ему этот простодушный и наивный солдатик тоже понравился. – Быстрее решай, а то мы сейчас уйдем, а тебе случай познакомиться с калмыцкой жизнью, может, больше не представится.

Вася Шишкин некоторое время мялся. Сובлазн попить калмыцкого чая и своими глазами увидеть калмыцкую семью взял верх. Парень, оглянувшись по сторонам, выдохнул:

– Пойдемте.

Басанг и Бадма с новым другом вошли в дом. Киштя как раз сварила мясо и накладывала его в большую деревянную чашку. Мужчины помыли руки и, засучив рукава, сели за стол. Поев мяса, запили его бульоном. Бадма спросил гостя:

– Ну что, Вася, сильно наше село отличается от вашей деревни?

– Сильно. Наши дома в основном из бревен. Ваши же, я заметил, из глины и камыша. Потом у нас в каждом дворе растут плодовые деревья, а в огородах огурцы, помидоры и прочие овощи. А здесь ничего такого я не заметил. И за селом тоже никаких деревьев нет: одна голая степь на многие километры. Но мне здесь понравилось.

– У нас с водой туговато. Поэтому здесь ничего не сажается, а посадки под летним солнцем быстро выгорают. Дождей здесь мало бывает. Но калмыки за сотни лет к такой жизни привыкли. Я тоже видел много русских, украинских сел. Верно ты, Вася, заметил, наши земли в отличие от славянских бедны растительностью, – произнес Басанг.

– Вася, если это не военная тайна, вы по каким делам приехали сюда? – неожиданно спросил Бадма.

Тот, опустив голову, помолчал, а потом, виновато посмотрев на хозяев, ответил:

– Извините, я этого сказать не могу, военная тайна, если скажу, то под трибунал попаду.

– Ну если так, то мы настаивать не будем. Военная тайна – это военная тайна, посторонние знать ее не должны, – вздохнул Басанг.

Вечерело. К Бадме пришла взволнованная соседка. Долго не могла ничего сказать, а только тяжело дышала. Встревоженный Бадма спросил:

– Что-то случилось? Старик твой опять заболел, что ли? Лошадь, что ли, нужна?

– Даже не знаю, что сказать, а только к нам в гости приехала сваха, сегодня утром хотела возвращаться домой, в соседний хотон. Но на краю поселка ее телегу остановили солдаты и дальше не пустили. А когда она, думая, что над ней решили подшутить, возмутилась, то ей объяснили, что приказано никого из поселка не выпускать. Ты бы, Бадма, узнал у капитана, почему старуху не выпустили. А то она ходила к нему, но тот заулыбался и ответил, что свой дом она больше никогда не увидит. А когда старушка сказала, что она мать солдата, а капитан не должен воевать со стариками, вовсе выгнал ее. Теперь она сидит у нас и не знает, что делать. А наш хотон почему-то окружен солдатами. Что бы это значило? Никто ничего не понимает.

Басанг с Бадмой оделись и вышли на край хотона. За пригорком увидели группу солдат, дальше еще. Все вооружены. Увидев мужчин, солдаты вскинули автоматы. Один из них крикнул:

– Стойте, дальше проход запрещен! Иначе будем стрелять!

– Мы идем по делам. Почему нас не выпускают из села? – удивились Басанг с Бадмой.

– У нас приказ: никого не выпускать из поселка, – последовал ответ.

– Что делать? Из хотона нас и правда не выпустят, – взволнованно сказал Бадма.

– Пойдем к этому филологу, узнаем, в чем дело. Забыл фамилию капитана.

Устинов стоял возле дома, курил. Рядом находились еще пятеро солдат и сержантов. Тоже дымили и что-то шумно обсуждали. В сумерках они не сразу заметили Басанга с Бадмой, поэтому степняки услышали конец разговора: «Калмыков мы без проблем выгоним из домов и в течение получаса усадим в “Студебеккеры”... В этом селе никто сопротивляться не будет... Старики с детьми, что ли? Здесь будет попроще, чем с карачаевцами... Конечно, там горы...» Наконец увидев приближающихся мужчин, замолчали.

– Странно, товарищ капитан, мы хотели по делам выехать из села, а нас не пустили ваши солдаты, – поздоровавшись, пожаловался Басанг. – Сказали, что был приказ никого из села не выпускать. Что это значит? Пожалуйста, товарищ капитан, объясните, что за необходимость такая?

– Пока ничего определенного я вам сказать не могу. Скоро сами все узнаете. Врать я вам не хочу, а правду говорить права не имею. Понятно?

– Непонятно. Может, все-таки объясните немножко яснее?

– Потерпите до завтра и все узнаете, – сказал капитан и вошел в дом.

Солдаты, с неприязнью глянув на двух калмыков, разошлись.

Басанг с Бадмой озадаченно посмотрели друг на друга, потом на дверь, за которой скрылся Устинов, и отправились домой. И ещё долго наблюдали из окон, как по улице, сдержанно переговариваясь, ходили солдаты, а на краю села сердито урчали громадные американские машины.

– Басанг, ты слышал, о чем говорили капитан с солдатами?

– Частично. Только я не понял: с карачаевцами подрались, что ли?

– Я тоже не понял, они как будто говорили, что карачаевцев куда-то переселяли или что-то вроде того. Неужели такое возможно? Как можно народ насильно переселить куда-то на чужбину? За что? Неужели на это способна наша армия?

– Бадма, ты, по-моему, неправильно их понял. В военное время, конечно, всякое случается, но я не слышал что-то, чтобы выселяли насильно в чужие края. Такое невозможно, даже если у них были предатели и дезертиры. Наверное, они сами напали на какую-нибудь воинскую часть и были разбиты.

Об этом, конечно, вспоминали капитан и солдаты.

– Хорошо, если так. Я, скорее всего, их неправильно понял. А тогда как услышал, аж остолбенел. Правильно ты сказал. Так, наверное, и было. В горах-то легче всего воевать мятежникам.

Мужчины вышли на улицу подышать морозным воздухом. На душе у обоих было беспокойно. Долго стояли, прислушиваясь к вечерним звукам, к лаю встревоженных собак, мычанию скота... Неожиданно от сарая отделилась тень и направилась к ним. Басанг с Бадмой насторожились. Но потом успокоились – это был тот самый солдатик, который гостил у них недавно.

– Дяденьки, это я, Вася Шишкин, я к вам. Здравствуйте. Я хочу вам кое-что сказать. Только боюсь, что вы мне не поверите. Завтра утром все калмыки будут выселяться в северные края. Эту операцию мы должны завтра утром провести. Нам приказ уже зачитали. Я хотел про это еще вчера сказать, но не решился. Испугался. Военная тайна же! Сегодня я встречался с местными жителями, разговаривал. И думаю, что выселение калмыков – это ошибка. Долго думал, чем вам помочь, но ничего не придумал. Вот пришел вам сказать.

– Ты, мальчик мой, не ошибаешься? Говоришь, есть приказ о выселении всех калмыков? – удивился Бадма.

– Нет, не ошибаюсь. Утром нам еще зачитали Указ Верховного Совета СССР. По этому Указу Калмыцкая АССР ликвидируется, а территория будет поделена между соседними областями и краями. Подписал Указ Михаил Калинин. Оказывается, в ваших степях много бандитов, которые во время оккупации сотрудничали с немцами, выдавали им партизан, коммунистов. А после освобождения территории республики продолжали бесчинствовать, убивать мирных граждан, нападать на колхозы, угонять скот. Так там написано. Какие тут могут быть ошибки... Поэтому вам надо запастись теплой одеждой, взять в дорогу побольше продуктов... Я больше ничем не смогу вам помочь.

Услышав такую новость, Басанг с Бадмой некоторое время не могли вымолвить ни слова. А что можно сказать, если в Кремле все решили, и, главное, – не поспоришь со Сталиным да с Калининным. А перед ними стоял русский паренек, которому предстояло завтра исполнять приказ Верховного Главнокомандующего. Видно было, что Вася переживает не меньше калмыков, но что он мог сделать?!

– Ну, Вася, ты иди к своим, а то ваши увидят, что стоишь с «предателями», и тогда не отрешешься – попадешь под трибунал, а там и до штрафбата недалеко. Ты должен понимать, что мы теперь «враги народа». Так что иди, Вася, и спасибо тебе за то, что предупредил, – вздохнул Басанг.

– Ну, тогда бывайте, может, когда-нибудь свидимся, – пожав руку Бадме и Басангу, Вася повернулся, чтобы уйти, но его остановил Бадма.

– Вася, у меня к тебе еще один, последний вопрос: карачаевцев тоже, что ли, выслали в чужие края?

– Карачаевцев выслали около двух месяцев назад, а еще раньше депортировали поволжских немцев, а республику ликвидировали, территории поделили соседние области. Но это было еще летом сорок первого, – сказал Шишкин и ушел, не оглядываясь.

Басанг с Бадмой задумались. То, что они услышали, не укладывалось в голове: как это возможно силой согнать с родных мест целые народы и переселить в другие

регионы, в непривычные для проживания условия?! Кем они себя возомнили – эти кремлевские вожди?! Почему они решают, кто где будет жить? Только Всевышнему даны такие полномочия. Но тем не менее, надо решать, что делать, ведь завтра на этих американских машинах всех от мала до велика отправят в далекие неведомые края.

– Ну что, Бадма, будем делать? Ты слышал, теперь не только мы с тобой, но и дети со стариками стали предателями. Ты тут в тылу вместе с женщинами и подростками старался обеспечивать воюющую армию продуктами, теплыми вещами и я на фронте за чужим спинами не прятался, не позорил имя свое и своих земляков. Но все равно я предатель?! Нет, ты как хочешь, Бадма, а я отсюда не двинусь. Я останусь здесь, я не дезертир, не преступник, не убийца какой-нибудь. Почему же я должен переселяться в чужие края? Да еще под конвоем! Никуда не поеду! Калинин – старый маразмизирующий человек. Что возьмешь с больного старика?! Поэтому я считаю, что это ошибка, которую надо срочно исправлять. Я должен добраться до Сталина и все ему объяснить. Правильно я рассуждаю? Что ты думаешь? Мне надо в Москву. Наверное, окружение Иосифа Виссарионовича мутит воду. Поэтому я должен, обязательно должен указать ему на эту чудовищную ошибку!

– Даже не знаю, что и думать, что посоветовать. Сам решай, а мне деваться некуда, куда я от семьи?! Не могу я их бросить! Что их ждет на чужбине, кто знает? Я обязан быть рядом со своей семьей, с односельчанами. Ты должен это понять. Ты молодой, свободный человек. Только боюсь, что до Москвы тебе не добраться, а до Сталина – тем более. Останешься здесь, НКВД тебя в покое не оставит: будешь в этой степи бегать туда-сюда, как волк на облавной охоте. Будешь искать, где спрятаться от охотников, и не найдешь. Тебе проще было бы все-таки поехать вместе с нами. Как-никак, будешь не один, а с народом. Вместе ведь проще выжить.

Я тебе это говорю как старший товарищ, как друг. А один, как говорят, в поле не воин. Так что лучше вместе в Сибирь...

– Нет, я все-таки останусь на родине, а если придется, то приму смерть в степи, дома. А к тебе у меня просьба: спрячь среди кизяков оседланного коня. Желательно, хорошего коня.

– Боюсь, что из лучших лошадей только Хараду могу тебе предложить, остальные пасутся в степи в табуне. А туда нам не пробраться.

– Э-э-э, забыл совсем! Пусть будет Харада...

– Харада, хоть и старый конь, но когда надо, скачет довольно резво. Правда, быстро устает. Его хватает на два-три километра. Старость – не радость... А какой конь был!

3

Перед выселением калмыков в Сибирь в Элисту приехал генерал НКВД Иван Серов для инспекции. Здесь уже был организован штаб по депортации калмыков в Сибирь. Серов встретился с членами штаба, объяснил суть операции «Улусы», которая должна быть вскоре проведена силами войск НКВД. Раньше Серов не имел дела с калмыками и ни с кем из них близко не общался. Правда, перед войной ему довелось познакомиться с генерал-полковником Окой Городовиковым, но это знакомство было шапочным и ни к чему не обязывающим. Иван Александрович знал, что в конце тридцатых почти вся молодая калмыцкая интеллигенция и республиканская руководящая верхушка была расстреляна или получила большие лагерные сроки за связь с троцкистами, с уклонистами и за шпионаж. Теперь же оказалось, что весь народ неблагонадежен и настроен антисоветски, и поэтому его весь необходимо выселить в Сибирь. Пусть на морозе, мол, одумаются, придут в

себя и осознают, что Советская власть самая гуманная в мире, просто так никого не наказывает, а ВКП(б) и великий Сталин никогда не ошибаются.

Серову хотелось поглядеть на реакцию руководства республики калмыцкой национальности. С Ликомидовым все ясно – этому русскому человеку все равно, что станет с людьми, с которыми он долгое время работал. Хотя по озабоченному лицу было видно, что и у него неспокойно на душе. Генерал усмехнулся, он догадывался, почему первый секретарь калмыцкого обкома взволнован: Ликомидов боялся непредвиденных эксцессов при высылке калмыков, боялся, что кто-нибудь из калмыцкого руководства выступит против линии партии и советского правительства.

«В общем-то правильно, что выселяют неблагонадежных инородцев, – неторопливо думал генерал, расхаживая по кабинету, – и верно сказал когда-то Сталин, что по мере победы социализма усиливается классовая борьба в стране, к тому же сейчас идет война. И выявилось столько обиженных на Советскую власть за двадцать лет... Воевавшие в годы Гражданской войны на стороне белых тоже недовольны результатами той братоубийственной схватки... Теперь большинство из этих граждан приняли сторону оккупантов. Надеются вернуть Россию на старые рельсы, – вздохнул Серов. – Кто ж думал перед войной, что придется воевать еще и со своими. Это похоже на продолжение Гражданской войны. Подумать только, на стороне вермахта воюет больше ста тысяч казаков! И воюют ведь хорошо!»

Генерал усмехнулся, вспомнив переданное ему приветственное письмо казаков, написанное еще осенью сорок первого Адольфу Гитлеру, где говорилось: «Мы, донские казаки, остатки уцелевших от жестокого жидовско-сталинского террора, отцы и внуки, сыновья и братья погибших в ожесточенной борьбе с большевиками, шлем Вам, великому полководцу, гениальному государственному деятелю, строителю Новой Европы, Освободителю и другу Донского казачества, свой горячий донской казачий привет!» Что ж, доберемся и до казаков когда-нибудь.

А для начала придется наказывать и народы. И поделом этим калмыкам: нечего было носиться по степи, убивать коммунистов и партизан. Немцев Поволжья уже выселили по понятным причинам. Без всяких проблем депортировали и карачаевцев. А перед войной с Дальнего Востока переселили в Среднюю Азию корейцев. Этих на всякий случай. Так что опыт есть, думаю, что и с калмыками обойдется без ненужных инцидентов. А дальше очередь дойдет и до чеченцев с ингушами. Этих надо наказывать за массовое дезертирство и бандитизм. Если Сталин прикажет, то будем выселять весь Северный Кавказ. Неважно, за что. Если не изменили Советской власти, то когда-нибудь изменят обязательно. Поэтому незачем с этими инородцами миндальничать! Что-то долго собирается руководство республики. Надо бы поторопиться».

Но вот в соседний кабинет вошли трое калмыков в полувоенных костюмах, сняли картузы и, с удивлением покосившись с любопытством глядящих на них незнакомых военных, прошли к столу. Это были Санджи-Гаря Манджиев, Дорджи Гахаев и Нальджи Гаряев.

Санджи-Гаря работал заведующим управделами калмыцкого Совнаркома. Он был немало удивлен звонку Ликомидова, поскольку на совещания их вызывал помощник или технический секретарь. А тут сам первый секретарь обкома пригласил! Очень странно, видимо, будет обсуждаться что-то сверхважное, решил Манджиев и поспешил в Красный дом, где размещался обком партии. Но для начала он зашел к зампредседателя Совнаркома Дорджи Гахаеву. У того вид был встревоженный. Гахаев тоже был удивлен звонком первого секретаря обкома, к тому же он уже знал, что в Калмыкию приехал генерал Серов. Решили прояснить ситуацию у председателя Совнаркома Нальджи Гаряева.

– Знаю, все знаю. Приехал замнаркома НКВД СССР генерал Иван Александрович Серов. Видимо, по очень важным делам. Вот он сам и объяснит. А по моему мнению, такой большой начальник прибыл к нам, чтобы выяснить, сколько в наших степях прячется бандитов, дезертиров и предателей. А «Студебеккеры», наверное, для пойманных солдатами изменников родины. Правда, что-то очень уж машин много, у нас ведь вряд ли больше сотни бандитов наберется. Наверное, на всякий случай. Серов нам все объяснит, наберемся терпения, все скоро узнаем, – ответил Налджи.

Гахаев и Манджиев успокоились было, но когда вошли в обком и увидели в приемной Ликомидова майора и двух автоматчиков, удивились, и каждый подумал: «Они что, тоже собираются участвовать в совещании?». Войдя в кабинет, опять были немало удивлены: вместо мягких стульев вдоль длинного стола были расставлены грубосколоченные деревянные скамьи. У края стола, опустив голову, сидел второй секретарь Кокшунов. Вид у него был подавленный. Видимо, узнал что-то нехорошее, решили друзья.

Вскоре шумно распахнулась дверь, и в кабинет вошли два полковника. Они молча встали по обе стороны створок. За ними появился генерал Серов. Полковники закрыли за ним дверь и опять застыли, уже плечом к плечу. Навстречу генералу вскочил Ликомидов, заискивающе улыбаясь, подвел его к своему месту. Серов оглядел присутствующих, пожевав губами, достал из зеленой папки бумагу и, не присаживаясь, стоя, зачитал текст. Это оказался Указ Президиума Верховного Совета СССР. Услышав решение о выселении всех калмыков, присутствующие не поверили своим ушам и некоторое время стояли молча, переваривая услышанное. Не выдержал Дорджи Гахаев. Он шагнул к генералу:

– Я не понял, на каком основании всех калмыков выселяют? Что такого преступного сделали калмыки?

– Ваша кавдивизия в полном составе перешла к немцам, да и ваш Ока Городовиков тоже хорош...

Что хотел сказать этим Серов, было непонятно. Однако Гахаев не унимался:

– Наша дивизия не переходила к немцам, а воевала до февраля этого года, освобождала Ставропольский край и Ростовскую область, и была расформирована в связи с тем, что в боях погибла значительная часть калмыцких воинов.

Серов некоторое время, собираясь с мыслями, молчал, а потом ответил:

– А что, вы хотите сказать, что и бандитов у вас нет? Указ вышел – мы обязаны выполнять решение партии и правительства, а коммунистическая партия не ошибается. Так что готовьтесь в дорогу.

– А как же члены партии? – спросил Налджи Гаряев.

– Если вы там, в Сибири, будете вести себя нормально, членами партии так и останетесь, – зло махнул рукой Серов и добавил: – Если у вас ко мне больше нет вопросов, то все свободны.

Он быстро, как и вошел, исчез за дверью. Два полковника закрыли за ним дверь. Так закончилось «совещание».

По домам бывших калмыцких руководителей сопровождали офицер и два автоматчика.

– Ну что ж, Котуш, собирайся в дорогу, приготовь вещи, – сказал жене Санджи-Гаря, заходя домой.

– А что случилось, куда это ты собрался на ночь глядя, дорогой? – засмеялась Котуш.

– Не только я, но и все калмыки по Указу Президиума Верховного Совета выселяются из республики в дальние холодные края.

– Ха-ха-ха, – зашлась в веселом хохоте Котуш. – Ты, наверное, лизнул где-то с друзьями доброго вина. А что за праздник вы отмечали? До Нового года еще несколько дней...

– Дура! Я не пил, я не шучу! Ты что, не видела на улице большие американские машины и много солдат с красными погонами? Я правду говорю, выселяют нас в Сибирь! Завтра утром! Так что, пожалуйста, приготовь вещи и продукты, – устало сказал Санджи-Гаря. И, видя недоумение жены, добавил: – Если не веришь, выгляни на улицу, там солдаты стоят, караулят нас, чтобы никуда не убежали. Так что сегодня мы не должны отлучаться из дома. Поняла?

Котуш глянула в окно и, увидев двух разговаривающих солдат, обернулась к мужу:

– А почему нас выселяют в Сибирь? Почему? Что мы натворили? – спросила она, уже глотая слезы.

Тот, задумчиво качая головой и нервно куря папиросу, ничего не ответил.

4

Из Элисты Серов выехал рано утром, как раз в это время солдаты ходили по домам и сгоняли калмыцкие семьи в кинотеатр «Родина», где уже собиралась толпа ротозеев, не подлежащих высылке. Кто-то из них сочувственно качал головой, а кто-то злорадно ухмылялся, мол, так вам и надо, – предатели. Невольных изгнанников потом должны были отвезти на «Студебеккерах» на железнодорожную станцию в Дивное, где их уже ждали товарный поезд и усиленная охрана с овчарками. А дальше степнякам предстояла длинная дорога, полная невзгод и смертей близких. Но до этого генералу уже не было дела: приказ он выполнил, а что будет потом – его не особо волновало. Правда, еще месяц назад он докладывал Сталину, что в калмыцких степях обнаружены и уничтожены всего двенадцать банд, и после тщательных поисков других найти не удалось, поэтому выселять калмыков нецелесообразно. Хотя, конечно, нельзя исключить наличие еще нескольких преступных группировок, но их, в случае чего, можно будет нейтрализовать всего одной ротой солдат. Однако «отец народов», попыхивая трубкой, молчал. Серов долго стоял в ожидании ответа. Так и не получив его, наконец не выдержал и спросил:

– Какой будет ответ, товарищ Сталин?

Сталин остановился напротив стоявшего навтыжку Серова, и, пристально заглянув ему в глаза, сказал:

– Ответа не будет, товарищ Серов, можете быть свободным...

Серов вышел из кабинета, нисколько не сомневаясь, что и калмыки разделят участь карачаевцев и немцев Поволжья. «Что ж, видимо, у этого беспокойного народа судьба такая – быть жертвой чужих грехов и ошибок, как это с ним часто случалось на протяжении всей истории», – подумал тогда генерал...

Приехав тайно в Калмыкию, Серов так же тайно покидал ее. На всякий случай: в это тревожное время в глухой степи могли случиться неприятные сюрпризы, а ему надо было попасть в Астрахань. В том, что калмыков всех как один вышлют из родных степей, генерал не сомневался: операция была тщательно подготовлена. К тому же серьезного сопротивления мирные жители оказать не могли, поскольку мужчины были разбросаны по всем фронтам. Правда, в степи могли спрятаться с десятков-другой дезертиров, но долго оставаться здесь они не смогут, так как опираться им больше не на кого, ведь вся родня и земляки окажутся в далеких краях. Генерал не мог даже предположить, что отдельные степняки останутся в родных местах до смерти Сталина, а часть уйдет в Казахстан и, смешавшись с

местными, приняв их веру, поменяв имена на казахские, так и останутся там до конца жизни.

Но, позже узнав, что в степи остались еще десятки калмыков, Серов не мог сдерживать раздражения: как они посмели не подчиниться Указу правительства страны и воле самого Сталина! Немедленно разыскать и наказать строптивцев! – таков был его приказ подчиненным.

Иван Серов родился на Вологодчине. Отец его служил в губернской жандармерии. Правда, этот факт Иван Александрович скрыл, в автобиографии и в анкетах неизменно писал, что отец был обычным крестьянином. Впрочем, так поступали многие деятели компартии, справедливо полагая, что с подобным компроматом карьеры не сделать. Серов, успешно окончив среднюю школу, без проблем поступил в артиллерийское училище. К тридцати годам Иван Александрович – уже начальник штаба полка, что позволило ему поступить в Академию имени Фрунзе и окончить ее. В тридцать девятом году Серова переводят на работу в НКВД, поскольку здесь после чисток ряды работников значительно поредели, а репрессированный командный состав надо было кем-то заменить. Так майор Серов занял генеральскую должность в качестве заместителя начальника головного отдела НКВД. Здесь он близко сошелся с Лаврентием Берия.

– Ты, Ваня, паренек смышленный и расторопный, если и дальше будешь так работать, тебя ожидает блестящее будущее, – говорил шеф НКВД.

И правда, уже через месяц Иван Александрович стал начальником отдела, а в сентябре тридцать девятого, когда Западная Украина воссоединилась с Украиной, Серов стал наркомом внутренних дел Украины. В ту осень с Западной Украины в Сибирь и в северные лагеря потянулись эшелоны с выявленными врагами народа. Были арестованы и расстреляны и сотни коммунистов, долгие годы боровшихся в подполье с польской властью. Их заподозрили в связях с польской, немецкой и другими западными спецслужбами.

В те годы Серов близко сошелся с Георгием Жуковым, который тогда командовал Киевским военным округом. На Западной Украине Иван Александрович получил первый опыт, который затем пригодился в послевоенной Германии: он лично участвовал в реквизиции осужденных украинцев, а наиболее ценные вещи оседали в карманах и на специальных складах руководства НКВД. Это были картины, скульптуры и прочие произведения мирового искусства. Правда, часть из них была куплена по дешевке у подозреваемых, которые за это, как правило, освобождались.

В 1940 году недалеко от Смоленска около небольшого села Катынь были расстреляны польские пленные и гражданские лица. Какая в этом была нужда, теперь трудно сказать. Но около сорока тысяч человек без суда и следствия солдаты НКВД уничтожили. Также на Украине были казнены еще десятки тысяч поляков. Проводил эту операцию, конечно, генерал Серов. Позже он признал, что с поляками расправились именно части НКВД, которые подчинялись лично ему. Серов надеялся, что свидетелей преступления не окажется, но ошибся.

В годы войны Иван Александрович выполнял правительственные задания. Но основной его задачей была высылка народов, обвиненных в пособничестве врагу. В августе 1941 года он был назначен начальником оперативного отдела. Первым правительственным заданием была высылка поволжских немцев. Эту операцию опытный генерал провел без сучка и задоринки. Далее последовали высылка карачаевцев, затем калмыков, не прошло и двух месяцев, как были согнаны с родных земель и отправлены в телячьих вагонах в Казахстан и Среднюю Азию чеченские и ингушские семьи. За что Серов был награжден полководческим орденом Суворова первой степени.

В мае сорок четвертого судьбу «народов-предателей» разделили крымские татары. Но и после войны советское правительство не угомонилось: высылке подверглись черноморские греки, хемшилы, крымские армяне и болгары. Эти тоже провинились перед Советской властью. Так, греков обвинили в том, что в годы войны они вели бойкую торговлю с оккупантами. Болгары и армяне, оказывается, тоже лояльно относились к Германии. Серов и высший генералитет Красной Армии, в том числе и «Маршал Победы», были замечены в мародерстве: из поверженной страны спецшелонами вывозились в огромных количествах украденные вещи: ковры, золотые изделия, бриллианты, даже легковые автомобили. Конечно, это обстоятельство не красило мародерствующих полководцев, поскольку они вели себя не лучше, чем нацисты на оккупированных территориях. Но то были гитлеровцы, а это – коммунисты-интернационалисты, марксисты! Какая разница? Оказалось – никакой.

Однако на родине дел было невпроворот: здесь открылись новые лагеря, где должны были содержаться новые враги народа, пособники гитлеровских оккупантов, а также немецкие военнопленные. Намечались новые посадки за незаконный сбор колосков с заброшенных полей, антисоветские анекдоты и за прочие мелкие грехи. Чтобы выйти из послевоенной разрухи, стране нужны были бесплатные рабочие руки, а Сталину – опытные кадры, способные организовать и направить многомиллионные массы на выполнение этой задачи.

Поэтому Иван Серов был назначен Сталиным замминистра внутренних дел СССР. Но вскоре «отец народов» умер, и многие его соратники по кровавым преступлениям были арестованы и расстреляны как «враги народа», а Берия оказался английским шпионом и расстрелян вместе с кавалерами полководческих орденов за высылку народов Меркуловым и Абакумовым. Серова спасло то, что он был знаком с Жуковым и новым лидером страны Никитой Хрущевым. Ему простили и мародерство в Германии, и высылку народов в годы войны и после нее. Более того, НКВД был реорганизован и появилась новая структура – КГБ, которую возглавил Герой Советского Союза генерал Серов. Первым делом Иван Александрович принялся уничтожать архивные документы, изобличающие его и высшее руководство страны как деятельных участников репрессий в тридцатые-сороковые годы.

В 1956 году в Венгрии вспыхнул антисоветский мятеж, за подавление которого Серов был награжден вторым полководческим орденом – орденом Кутузова. Но успешная карьера окончилась в начале шестидесятых. Его подчиненный Пеньковский оказался американским шпионом и был изобличен. Серова понизили до генерал-майора и лишили звания Героя Советского Союза. А затем уволили из армии и исключили из партии. Иван Александрович долго добивался восстановления в звании Героя Советского Союза и возврата партбилета, но тщетно: ЦК этот вопрос даже не стал рассматривать. Умер Серов в 1990 году, накануне развала СССР.

5

Пока Иван Александрович ехал в Астрахань, в далеком степном хотоне развивались драматические события. Рано утром в дом Бадмы вошел офицер в сопровождении двух солдат, которые застыли в дверях с направленными на едва проснувшихся людей автоматами. Офицер неспешно вынул из планшета какую-то бумагу, развернул ее и с расстановкой прочел написанное. Басанг с Бадмой молча выслушали офицера. Киштя, плохо знавшая русский, но, видимо, почувствовавшая, что офицер сообщил что-то нехорошее, взволнованно спросила у мужчин:

– Что, что сказал этот русский?

Бадма растерянно посмотрел на жену и не ответил. Потом, справившись с волнением, сипло произнес:

– Ну что, Басанг, видимо, у тебя ничего не получится. Во дворе солдаты, хотон оцеплен.

Басанг, внимательно посмотрев на друга, ответил:

– Ты, Бадма, не расстраивайся. Я от своего плана не отказываюсь. Конь стоит оседланный за кизьяками? Тогда хорошо. Прорвемся!

Вошел Устинов. Посмотрев на мужчин, с улыбкой поздоровался. Бадма с Басангом, хмуро взглянув на него, не ответили.

– Ну что, мужики, теперь поняли, по каким делам мы сюда прибыли? А если поняли, то быстро, по-военному, собирайтесь в дальнюю дорогу. Даю вам тридцать минут, да продукты не забудьте. Товарищ лейтенант, Указ зачитали? Если да, то поторопите их, – кивнул Устинов в сторону столбом стоящих калмыков. – Будут сопротивляться, можете стрелять, невзирая на детей и женщин. Сам знаешь: у нас есть такое право. – И направился к выходу.

– Товарищ капитан, хотел спросить, – остановил его Басанг.

Тот, уже приоткрыв дверь, обернулся:

– Говори...

– Товарищ капитан, с тех пор, как сюда вошли солдаты, мы еще на улицу не выходили. В туалет бы нам надо, – просительно сказал Басанг. – А то эти (он кивнул в сторону солдат) нас не выпустят.

– Лейтенант, выпусти его, – кивнул на Басанга капитан, – да дай ему сопровождающего.

Устинов вышел. Лейтенант взглянул на одного из солдат. Тот, поняв это как приказ, повел стволом автомата и коротко произнес:

– Пошли!

Басанг остановился в дверях, взглянув на Бадму и на его жену, произнес:

– Ну, Бадма, и ты, Киштя, не знаю, увидимся ли еще. Но думаю, что там, на чужбине, вам придется несладко. Так что – будьте здоровы.

– Ты что там бормочешь по-калмыцки! Говори по-русски, – сердито крикнул лейтенант. Солдат толкнул Бембеева в спину стволом автомата. Они вышли. На улице было еще темно, слышался лай растревоженных собак, детский плач и причитания женщин. В базах мычали и блеяли животные. Солдаты запускали моторы мощных «Студебеккеров». Казалось, сам воздух пропитан тревогой. Басанг направился в сторону камышовой уборной, но заходить туда не стал, а попытался пройти к темнеющей неподалеку куче кизьяка. Солдат в два прыжка настиг его и перегородил дорогу.

– Стой! Дальше нельзя! Ты прошел свою уборную, – нацелил он автомат на Басанга.

– Э-э, я привык делать свои дела среди кизьяков, – улыбнулся Басанг, медленно подходя к растерявшемуся солдату, и, глядя ему в лицо, обезоружил парня. Солдат попытался было вернуть автомат, но Басанг ударом каменного кулака в розовую скулу свалил его на мерзлую землю.

Тот, словно раненый заяц, заверещал:

– Дяденька, не убивай меня, пожалуйста, не убивай!..

Бембеев отстегнул диск и зашвырнул его куда-то за уборную, автомат выкинул в другую сторону. Наклонившись над солдатом, угрожающе сказал:

– Убивать я тебя не стану, такой грех на душу не возьму. Ты только полежи тихо две минуты, иначе точно убую! Ты меня понял?

– Хорошо, хорошо, – торопливо закивал головой парень.

Басанг прошел к кизьякам, вскочил на Хараду и поскакал в степь. Неожиданно перед конем выросла фигура с автоматом.

– Стой! Стреляю! – послышался повелительный голос.

Бембеев лишь пришпорил коня, после чего он рванулся вперед. Степняк, прикинув к гриве животного, со всего размаху хлестнул замешкавшегося солдата плеткой. Тот, застонав, упал. Тут же в полутьме сверкнула, затрещала автоматная очередь. Веер пуль устремился в светящееся небо, немного погодя взмыла ракета, затем еще несколько: стало светло, как днем, но Басанг уже скакал по дну оврага. Он услышал, как в хотоне поднялась стрельба, крики. «Похоже на войсковую операцию. Хорошо, что этот овраг подвернулся вовремя, а то валялись бы мы с Харадой на краю хотона», – подумал Басанг, нахлестывая лошадь. Однако старый конь стал задыхаться, кашлять, с боков летела белая пена, голова клонилась к земле. «Бедный, бедный старик, надо будет при первой возможности добыть другого коня, этот уже отбегался», – решил Басанг, притормаживая животное. Он сошел с Харады и с полчаса вел его на поводу по дну длинного оврага.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Одна за другой померкли звезды, а из-за горизонта лениво поднялось похожее на раскаленный шар солнце. Из хотона слышалось мычание животных, сквозь которое до чуткого уха Басанга донеслось протяжное петушиное «гу-гарин-гу-у-у-к». Домашняя живность, оставшись без хозяев, похоже, была в растерянности: ведь пора уже доить коров, а некому, время отправляться на пастьбу, а людей куда-то увезли, кто откроет закрытые базы?.. Странно это! Тем временем совсем рассвело, в пожухлой, тронутой морозом траве несмело зашебетали редкие птицы. Но можно ли теперь эту задумчивую зимнюю природу назвать калмыцкой? Степняков, сотни лет живших на этой приволжской земле, защищавших с оружием в руках эти холмы, овраги и равнины, теперь по воле одного человека выслали в дальние края. Кто этот человек? Обычный смертный, не Господь Бог, однако он решает судьбы целых народов, кому где жить и где умирать.

Подъехав поближе к хотону, Басанг прислушался, долго всматривался в опустевшие дома, в кривые улочки. Было тихо, животные успокоились, только изредка взлаивали собаки. Степняк понял, что капитан никакой засады в хотоне не оставил, иначе животные вели бы себя по-другому. Он неспешно ехал по пустынной улице. Там и сям валялись трупы пристреленных собак. Зато у дома Бадмы, приветливо скалясь и махая хвостом, его встретил Галзан.

– Ну, что, собачка, как дела? – ласково спросил Басанг.

– Нга-наг-нгам, – пожаловался на тяжелую жизнь Галзан, и, обхватив ноги Басанга передними лапами, лег, положив голову на его пыльные сапоги.

Погладив пса по голове, Бембеев осторожно освободил свои ноги и зашел в домик. Все выглядело так, словно здесь орудовали грабители: вещи разбросаны, на полу валялась битая посуда. Видимо, солдаты рылись в сундуке, но, не найдя ничего ценного, в сердцах оторвали крышку и ударом сапога сломали боковину. Не удовлетворившись этим, прикладом автомата выбили окно вместе с рамой. Тут же среди мелких осколков лежала слегка сплюснутая сапогом кукла, которой любила играть Котуш, младшая дочь Бадмы и Кишты. Еще до войны Бадма смастерил ее из конского волоса и овечьей шерсти. Деляш – так назвала куклу Котуш – была обтянута розовым ситцем. Из ситца было и платье, а глаза ей любовно нарисовали

углем. Девочка целый день не расставалась с Деляш, разговаривала с ней, пеленала, а когда наступала пора отходить ко сну, заботливо укладывала под одеяльце из верблюжьей шерсти.

Басанг невольно улыбнулся, вспомнив, как Котуш тонким голоском говорила своей шерстяной подружке:

– Я же тебе, Деляш, говорила, что баава с аакой придут не с пустыми руками, а ты не верила. Видишь, баава идет, а сзади аака торопится, что-то несут. Наверное, что-то вкусненькое. Хорошо бы конфеты или сахар. Потом аака пойдет доить корову, значит, мы с тобой будем пить парное молоко.

Басанг стряхнул с куклы налипшие комочки грязи с отпечатками солдатского сапога и положил ее на подоконник. Он чувствовал себя разбитым, смертельно уставшим: сказались бессонная ночь и утренние события. Теперь ему казалось, что вооруженные солдаты, офицер с Указом в руке, капитан Устинов, побег, стрельба, плач женщин и детей – все это привиделось в кошмарном сне. Однако опустевший хотон, беспризорные животные, разбросанные в беспорядке вещи указывали, что весь этот ужас произошел наяву.

Представить только, родная Советская власть и великий Сталин могли так сурово обойтись с народом. Вздохнув, он вышел во двор, чтобы расседлать коня и дать сена голодному животному. Затем обошел безлюдные дома, в некоторые заглянул. Похоже, что калмыкам много поклажи взять с собой не позволили: что-то из носильных вещей, немного продуктов и все – отметил он про себя. Что можно собрать за отведенные полчаса? Да еще детей надо было одеть, успокоить, и все это при общей панике, неразберихе. Басанг открыл базы, выпустил животных, распахнул настежь ворота и калитки. Мычащим и блеющим у колодца животным налил воды в деревянные корыта. Больше делать было нечего. Только теперь он ощутил, что проголодался и устал еще больше. Вернулся в дом Бадмы, затопил печь, поставил на плиту кастрюлю со вчерашним холодным чаем. В шкафчике нашел кусок вареного мяса и ломоть хлеба. Съев все это и запив теплым чаем, Бембеев задумался. Конечно, это ошибка, что всех калмыков выслали. Не было никакой необходимости высылать целый народ. Однако в зачитанном офицером Указе сказано, что многие калмыки сотрудничали с немцами, выявляли партизан, коммунистов, активистов и выдавали их оккупантам, передавали им колхозный скот, который гнали в тыл из Ростовской области и Ставропольского края. Поэтому все калмыцкое население выселяется в Сибирь.

Возможно, такое быть могло, но не все же были предателями. Разве можно назвать предателями всех колхозников, с которыми, хоть и немного, но довелось работать Бембееву. Не было среди них пособников оккупантов – это Басанг мог сказать точно. Конечно, где-то в степи прятались дезертиры и те, кто за несколько месяцев успел «отличиться» в зверствах. Чего греха таить, были и такие. Но эти были обижены Советской властью в годы Гражданской войны и после неё, в годы коллективизации и борьбы с религией, когда сотни буддийских храмов и монастырей были разрушены, а священнослужители в основном расстреляны или посажены в лагерь. Басанг вспомнил, как на улицах освобожденных от немцев казачьих станиц и украинских сел гроздьями висели чьи-то тела. Оказалось, что это были казненные полицаи. У этих, видимо, тоже был свой счет к Советской власти, но им не повезло, недолго они наслаждались мстью... Однако правильнее было бы выслать хотя бы семьи калмыцких, русских, украинских коллаборационистов. Было бы не так обидно: пострадал бы не весь народ, только часть его. А главное, не было бы нужды силам НКВД использовать такую массу техники, которая могла бы пригодиться на фронте.

Незаметно стемнело. Басанг набросал на голую кроватную сетку разного тряпья, лег, укрывшись шинелью. Поворочавшись на неудобном ложе, уснул. Опять приснилось, что сидит в окопе, а к нему обращается ротный Звездаков.

– Ну, Бембеев, по данным нашей разведки, с инспекционной поездкой к противнику прибыл сам Гитлер. Так вот, твоя задача такая: ты должен пойти туда, взять в плен фюрера и доставить сюда. Здесь его ждет Сталин.

– Иосиф Виссарионович?! – не поверил Басанг.

– Он, он, кто же еще? В нашей стране другого Сталина нет, и не будет!

– Ну, раз сам Сталин здесь, делать нечего, – пойду, приведу Гитлера сюда. А зачем Иосифу Виссарионычу понадобился Гитлер, ты не знаешь, товарищ командир?

– Конечно, знаю. Иосиф Виссарионыч хочет с ним бороться. Знаешь, есть такая грузинская борьба – чудооба называется. Она очень ответственная, поскольку от того, кто победит, зависит, когда кончится война.

– Как ты сказал: если Сталин поборет Гитлера, то тотчас война кончится?! Ну, тогда я пошел за Гитлером. Этого гада я обязательно сюда приведу любым способом.

В немецком окопе Бембеева встретили тепло и сразу проводили к Гитлеру. Тот, улыбаясь, пожал руку Басангу и на чистом калмыцком языке предложил чаю. Выпив всего лишь пиалу, Бембеев сказал:

– Ну, товарищ Гитлер, некогда мне тут с вами чай распивать, вас ждет сам Сталин.

– А почему сам Иосиф Виссарионыч сюда не пришел? А-а-а, понимаю, он ведь лет на десять старше меня. Ну, тогда я как младший по возрасту должен сам к нему прийти.

Через мгновение Басанг с Гитлером очутились перед Сталиным. Тот, улыбаясь, поглаживая усы, поздоровался сперва с фюрером, а потом пожал руку Бембееву. Но неожиданно возник капитан Устинов.

– Товарищ главнокомандующий, дорогой товарищ Сталин, по вашему приказанию все калмыки высланы в Сибирь, только... – замялся капитан.

– Ты чего заикаешься, говори толком, что еще случилось? – рассердился Иосиф Виссарионович.

– Двоих калмыков мы отправить не смогли, сбежали...

– Кто же они? Их фамилии, имена, говорите! – рассердился Сталин и по разу ударил Устинова и Звездакова по голове трубкой, которая почему-то превратилась в увесистую дубину.

– Ях, ях, ях, какая тяжелая рука у нашего Иосифа Виссарионыча. Один из них стоит около вас, товарищ Сталин, второй – германский фюрер Гитлер. Адольф, оказывается, совсем даже не немец, а из калмыков будет. Так вот, товарищ Сталин, этих двоих как раз не хватает в Сибири.

– Я не калмык, я чеченец, – испуганно подал голос Гитлер.

– Товарищ Устинов, тогда их и заодно чеченцев отправьте в Сибирь, – распорядился главнокомандующий.

– Товарищ Сталин, исполним в лучшем виде, – сказал Устинов и, крутнувшись через левое плечо, хотел было идти выполнять приказание, но сзади послышалось:

– Не торопись, капитан, ингушей тоже на всякий случай надо выслать в Сибирь, а то чеченцы обидятся. Скажут – почему нас выслали, а ингушей почему не трогают? Тоже ведь вайнахи, одного корня. Так что не забудь про ингушей, генацвале.

А Гитлер, услышав, что его высылают в Сибирь, сидел на дне окопа, обхватив голову руками...

– Странный сон, глупый сон, но что бы он значил? – размышлял, проснувшись, Басанг. За окном уже серело, на горизонте краснели облака. Возле дома Бадмы мычал собравшийся скот, инстинктивно потянувшийся к единственному обитателю хотона. В это время хозяйкам положено доить коров, потом выгонять их пастись в степь. Басангу было больно смотреть на бесхозных животных. Доить коров он не умел, поэтому погнал их за окраину села. Но что это? Вдали показалось несколько повозок с людьми. Басанг пригляделся. Нет, это не солдаты. Те передвигаются теперь больше на машинах вроде тех, на которых вчера увезли степняков. Бембеев на всякий случай хотел развернуться и ускакать, но, услышав детские голоса, погнал животных к ним.

Завидев приближающегося всадника, подростки притихли, с удивлением и страхом уставившись на калмыка. С задней телеги соскочил пожилой мужик и направился к Бембееву.

– Басанг, это ты?! – удивленно спросил он. – А что ты тут делаешь? Почему не со своими? Вас ведь выслали... Сказали, что все калмыки бандиты и предатели. Однако я сомневаюсь, что все...

С этим человеком Басанг был знаком. Они с Бадмой иногда ездили в соседний колхоз по делам, там и познакомились. Его звали Николай Павлович, а местные звали Нипалычем. Он работал завхозом.

– Николай Павлович, кто вам такое мог сказать? Не может весь народ быть предателем. Вранье...

– Кто врет, а кто говорит правду, теперь не разберешь. Только вчера на колхозном собрании выступал парторг, он и объяснил линию правительства и партии. А наш председатель, коммунисты и комсомольцы все как один одобрили решение о высылке калмыков.

– Николай Павлович, а вы как считаете?

– Даже не знаю, что и сказать. Только парторг сказал, что наша партия и великий Сталин никогда не ошибаются. Таких, как ты, прошедших войну, я многих повидал. Как про них сказать, что они предатели? На твоей груди я тоже вижу награды. Просто так ордена не даются. Правда ведь?

– Правда, только куда вы направляетесь?

Нипалыч, поразмышляв, нехотя ответил:

– Председатель отправил в ваш хотон... Сказал, что там осталось много скота, который необходимо собрать и пополнить им наше колхозное стадо.

– На фронте это называется мародерством! По законам военного времени солдаты и офицеры подлежат за него суду военного трибунала, – зло сказал Басанг.

– Право, не знаю... Только без хозяев скот в степи долго не продержится. Волки и одичавшие собаки быстро всех перережут. По-моему, этот скот все-таки правильнее было бы отдать нашему колхозу. Вот ты говоришь, что это мародерство... Не знаю, не знаю, только наш председатель и парторг сказали, что мы трофейная команда.

Теперь задумался Басанг.

– Если по правде, я тоже размышлял, куда бы деть всю эту живность. Оставлять ее в степи действительно нельзя. Но если отдать вашему колхозу, то смогут ли калмыки, вернувшись из ссылки, получить обратно свой скот? Уверен, что наше советское правительство поймет и исправит свою ошибку. Я на это очень надеюсь, – сказал Бембеев.

– Я тоже на это надеюсь, но случится это не скоро. Война ведь еще не кончилась и когда кончится, один Бог знает. Но до того времени от вашего скота ничего не останется... Так что мы с тобой решим? Ели нужно, напишем расписку или договор

Только у меня нет таких полномочий. Я же не председатель колхоза, да и печати у меня нет. Что будем делать?

– Даже не знаю. Я ведь тоже не председатель колхоза, такие дела мне не доводилось решать. Думаю, что ты, Николай Павлович, прав. Надо этот скот вам отдать, другого выхода у нас нет. Так хоть вы попользуетесь. А там видно будет, – махнул рукой Басанг, – вы ведь советские люди, а калмыки из числа советских, видимо, выбыли. Кто его знает, надолго ли? Думаю, что ненадолго.

– Басанг, а как получилось, что когда всех выслали, ты здесь остался? – спросил Нипалыч. Видимо, этот вопрос мучил его с момента встречи.

– Я выполняю здесь специальное задание. Какое, пока сказать не могу, – отшутился Басанг.

– Ну да, ну да, – недоверчиво уставился на Бембеева Нипалыч.

И затем крикнул настороженно сидящим на телеге ребятам:

– Слезьте, гоните коров и овецек домой!

Те живо принялись собирать рассеявшихся по степи животных.

3

Неторопливо прошла неделя нового 1944 года. Басанг не стал покидать хотон. Все надеялся, что власть разберется и вернет степняков на родину, но ничего не происходило. В поселке остались лишь старый конь да собаки с кошками, которые днем шныряли в поисках кормежки, изредка переругиваясь и грызясь из-за найденной кости или куриной тушки. Почти всех кур они передавили за несколько дней, из птиц оставались в живых наиболее осмотрительные, но и те недолго. Лишь один петух быстро понял, кого надо опасаться, поэтому, когда Басанг кормил его по утрам зерном, одним глазом озирал окрестность – не крадутся ли собаки, – а вторым зорко следил за Басангом: мало ли что, может, и этот человек тоже не прочь полакомиться птичьим мясом?

Глядя на петуха, Басанг улыбнулся: «Правильно – в наше время никому верить нельзя, особенно тому, кто ласково подсыпает тебе корм... Но меня бояться не надо, кто же будет будить меня по ночам и утрам своим звонким “гу-гарин-гук”? Ведь другой музыки в хотоне нет». Поэтому новоиспеченный хозяин, как мог, защищал птицу от собак. И все-таки однажды обнаружил, что курятник пуст. Лишь несколько перышек шевелилось на полу под легким ветерком... Обойдя двор, заглянув за сарай и в соседние дворы, вспомнил, что не слышал ночного пения петуха. Видимо, сова или лиса проникли в курятник. Эта потеря расстроила Басанга, и целый день он ходил сам не свой.

Однажды вечером, как только краешек солнца скрылся за бугром, он услышал топот копыт. Вскоре на взмыленном коне показался всадник, в котором Басанг узнал Нипалыча, – заметно взволнованного. Тем не менее широко улыбнулся гостю, хотя волнение передалось и ему:

– Менд, Николай Павлович, у вас такой вид, как будто за вами черти гонятся. За нашим хотоном есть глубокий овраг, старики поговаривают, что там чертей полно.

– Менд, Басанг, не до смеха сейчас. По твою душу НКВД снарядил отряд, который должен тебя арестовать и отправить туда, куда твоих земляков выслали. Советую тебе самому сдать, повиниться, может, еще обойдется, и тебя не посадят. Иначе несдобровать, пристрелят они тебя. Ну куда ты побежишь? Некуда бежать! Понимаешь ты? Так что поедем со мной и добровольно сдавайся, только так ты спасешь свою жизнь, – на одном дыхании выпалил Нипалыч.

– А где сейчас эти гады? – нахмурился Басанг.

– В нашем селе около двадцати солдат и офицеров. Они при мне о тебе говорили, я же член правления колхоза, поэтому от меня тайн нет. Сказали, что в наших краях больше калмыков нет, один ты остался. Только и слышу: «Бембеев, этот бандит Бембеев», – хотя как бандит ты еще не отметился: никого не убил, никого не ограбил, а уже в бандиты тебя записали. Это о чем-то тебе говорит? Сам знаешь, как с бандитами у нас обходятся: без суда и следствия застрелят, и всё! Так что, поехали? Что решил-то?

Басанг, некоторое время поразмыслив, промолвил:

– Нет, пока война не кончится, останусь в степи. По моим прикидкам, война к осени должна завершиться. Глядишь, и калмыки вернутся на родину, а я в тюрьме буду сидеть?! Нет, буду своих здесь ждать.

– Да-а-а, если честно, то я тоже думаю, что калмыков вернут в родные края. Только пока война кончится, тебя ведь могут застрелить как бандита. Так что реши, Басанг, решай, – задумчиво сказал Нипалыч.

– Не убьют, я на фронте в разведке служил, кое-какие навыки есть. В немецких окопах много раз бывал, много «языков» добыл. А этим тыловым крысам не дамся. Как-нибудь до осени продержусь здесь. Так что, Николай Палыч, ты на меня не обижайся, только я руки никогда не подниму и не опущу.

– Тебе решать, а мое мнение ты знаешь, – безнадежно махнул рукой земляк.

Помолчали. Наконец Нипалыч покачал головой.

– Ладно, парень, хотел я тебя спасти, но ты меня слушать не хочешь. Живи – как знаешь. Как у калмыков говорят: «Если лошадь закусил удила, то ее уже не остановить». Так?

Нипалыч встал, за ним поднялся и Басанг. Вышли на улицу. Было прохладно, с неба падали редкие снежинки. Поежившись, Нипалыч сказал:

– Я видел твоего коня, уж очень он старый, ты на нем долго не проедешь. Возьми моего красно-рыжего, а я на Хараде домой поеду. Славный был когда-то конь, призы брал на скачках. А теперь только на колбасу годится... Мой конь настоящей калмыцкой породы: сто километров проскачет, сильно не устанет.

Басанг с удивлением и уважением посмотрел на друга и взволнованно ответил:

– За коня, конечно, спасибо, но если председатель заметит, что ты вернулся домой не на той лошади, то за это не похвалит.

– Не заметит. Теперь в нашем колхозном дворе лошадей много, будет еще больше. Наши до сих пор ездят по степи, собирают бесхозных животных. Поэтому пересчета прибывшего скота мы еще не делали. Так что бояться нечего. Только я свое седло заберу, а у тебя есть свое.

– Конечно, конечно.

– Ты ищи другое место для ночлега. Кто знает, может, солдаты захотят взять тебя ночью, сонного, тепленького, – невесело произнес Нипалыч.

Он взобрался на Харладу и скрылся в ночной темноте. Вскоре до Басанга донеслось:

– Счастливо оставаться! Будь осторожен, Басанг!

Бембеев долго задумчиво стоял в темноте. Этот русский, по сути, теперь тоже преступник: не зная его хорошо, стал пособником человека, которого Советская власть объявила вне закона. А ведь их связывали всего лишь колхозные дела. В редкие визиты в русский поселок они с Нипалычем перекидывались ничего не значащими фразами, и ничего более. Друзьями, даже приятелями они не были, а теперь лучше и вернее этого Нипалыча на всем белом свете у Басанга никого не было. Все остальные с недавних пор стали для него врагами. И что побудило этого

уже немолодого человека ехать в такую даль, в такую далеко не теплую погоду, чтобы предупредить какого-то калмыка о грозящей ему опасности?! Случай, достойный удивления! Да-а-а, действительно, – русская душа загадочна.

Теперь любой встречный без всяких разбирательств может сунуть нож под ребро Бембееву, и никто его за это не осудит, а напротив – представят к медали, распишут потом в газетах, что какой-нибудь Борис Иванов совершил подвиг, убив особо опасного преступника. Ведь калмыка убил, а калмык – это не человек, ему как предателю место в Сибири, а не в родных степях. А о том, что убитый два года проливал кровь на фронте и имел боевые награды, никто и не упомянет. Такие случаи бывали, когда возвращавшихся с фронта калмыков убивали в российских городах.

Так мог бы поступить и Нипалыч с Бембеевым. Улучив момент, огрел бы плеткой ничего не подозревающего калмыка, и все – нет человека. А калмыцкая плеть может быть орудием убийства, ею запросто перебивается волчий череп, поскольку в конце плетки вплетен кусок свинца или пуля. Однако у Николая Павловича оказалась светлая душа, раз он предпочел помочь одинокому человеку в беде.

Встретится ли еще такой человек Басангу в степи? Трудно сказать...

4

Басанг не стал следовать совету Нипалыча. Заночевал в хотоне, справедливо рассудив, что в такую непогоду солдаты вряд ли решатся на ночную вылазку. К тому же собаки лаем известят всю округу о приближении незнакомцев, тем самым предоставив ему время, чтобы собраться и скрыться. Только коня на всякий случай рассёдлывать не стал, а лишь ослабил подпругу и приторочил к седлу ножку баранины и мешочек шкварок. Лошадь оставил у сеновала. На удивление, спал спокойно, без сновидений. Проснулся задолго до восхода солнца, быстро собрался и на прощание оглянулся: когда еще доведется побывать в доме Бадмы... Увидел темневшую на подоконнике куклу и, задумавшись на мгновение, сунул ее за пазуху.

Теперь, когда выяснилось, что на Бембеева объявлена охота, стало ясно, что упрямого калмыка власть окончательно поставила вне советского закона. Значит, она не оставит его в покое до тех пор, пока не поймает или не уничтожит. Басанг прекрасно понимал, что оказался на положении зверя. И награды, полученные на фронте, уже не имеют никакого значения. Теперь он для всех всего лишь бандит Бембеев. Теперь против него – вся страна. Чем это закончится, Басанг не думал, не хотел думать.

Отъехав километров пять от хотона, он услышал далекий дружный лай. Понял: туда вошли солдаты. Раздались автоматные очереди, винтовочные выстрелы и предсмертный визг собак. «Что ж, ловите меня, авось, родная степь не подведет, спасет», – и огрел коня плетью.

С этого дня началась настоящая игра со смертью. Первую зиму энкавэдэшники не давали покоя Басангу. Он прятался в основном на чабанских стоянках. Однажды вечером его едва не настигли, но удалось вырваться: выручил конь и глубокая балка, в которую нырнул всадник. Долго еще не умолкали выстрелы в полутьме, хотя он был уже далеко и выбирал новое место для отдыха. На этот раз Басанг решил уехать как можно дальше и скакал всю ночь, пока наконец не увидел темневшие на пригорке строения. Это оказался небольшой хотон. Ни один звук не нарушал предутреннюю тишину.

– Здесь мы временно остановимся, а потом еще куда-нибудь подадимся. Тут для тебя наверняка и сено найдется, – сказал Басанг коню.

Тот согласно закивал головой и довольно заржал.

– А может, и овес для тебя найдется, было бы здорово. Как ты считаешь?

Грива лошади затряслась еще энергичнее, и гнедой без понукания ускорил ход. Из собеседников у Басанга теперь осталось только это животное. Мужчине вдруг захотелось петь, и он затянул:

Красавец мой рыжий скакун
Резвится при свете луны.
Под наигрыши домбровых струн
Пиры братьев песен полны.

Красавец мой резвый скакун
Играет под солнца лучом.
Пьют братья арзу и шёлюн,
Плечо подпирают плечом.

Красавец мой быстрый скакун
Резвится, встречая восход.
Пусть, братья мои, много лун
Душа на рассвете поёт!

Басанг остановился у домика на краю поселка. Но вошел не сразу, долго вслушивался тишину. Не обнаружив подозрительных звуков, зашел в заброшенное строение, обошел все углы, потом обшарил сарай. Овса не оказалось, зато во дворе высился стог сена.

– Ну что ж, сегодня без овса здесь переночуешь, а завтра, может, нам больше повезет, – утешил коня Басанг, и тот понимающе заржал. Мол, чем богаты, тем и рады. – Отдыхай до утра, кто знает, какой он будет – этот завтрашний день, – тяжело вздохнул Бембеев.

На следующее утро, поживаясь от крепкого мороза, Басанг покинул хотон. Зная, что за ним охотятся, он не рисковал оставаться надолго в одном месте. И постоянно чувствовал, что за ним упорно идут по пятам солдаты. Несколько раз замечал вдалеке вооруженных всадников. Но, слава Богу, обнаружив их первым, нырял в овраг или скрывался за холмами. Бывали случаи, когда приходилось уходить от погони, слыша за собой выстрелы и крики: «Стой, руки вверх!» Вскоре он понял, что в калмыцкой степи больше оставаться нельзя, надо менять родные края на менее опасные. Таковыми могут быть астраханские или казахские степи. Наверняка среди казахов калмык обретет покой хоть на какое-то время. А там, глядишь, и война кончится. Вернутся земляки, и не надо будет ни от кого прятаться.

Однажды Басанг заехал в незнакомое место, которое было изрыто воронками и полуразрушенными окопами, там и сям застыли закопченные от огня и взрывов противотанковых гранат немецкие танки, покореженные пушки. Он сошел с коня, задумчиво постоял у бугорков, из которых торчали дощечки с надписями: «Здесь в боях за родину пали смертью храбрых...», дальше шел перечень имен погибших бойцов и командиров. Такие могилы вырастали на месте каждого боя. Басанг сам когда-то часто участвовал в захоронении товарищей, а ротный писарь аккуратно выводил на доске химическим карандашом имена павших. Вспомнив погибших однополчан, вздохнул: кажется, как давно это было, а всего-то прошло полгода. Теперь он вне закона, и будут травить его, как бешеного волка, а погибнет, никто не обозначит его могилу такой вот надписью на дощечке, и никто

из родных и друзей не придет, не помянет его грешную душу. А может, кто-то и пожелает Басангу счастливого перерождения в лучшем мире – если догадается, конечно...

Бембеев прошелся вдоль окопов, заметив полузасыпанный блиндаж, подошел. Прямо у входа из смерзшегося песка торчал приклад от винтовки Мосина. Он расшатал оружие и, легко его вытащив, осмотрел – винтовка была вполне пригодна к бою, нужно лишь очистить ствол от налипшего песка и приставшей легкой ржавчины. Однако для всадника эта длинноствольная винтовка не совсем годилась, нужен был легкий кавалерийский карабин или, на худой конец, автомат. Неважно какой, советский ППШ или немецкий «Шмайсер». Басангу повезло: нашел и то и другое. Отложил автоматы в сторону и принялся искать карабин. Автоматы хороши для ближнего боя. Особенно немецкие. В разведке «Шмайсер» незаменимая вещь – легкий, компактный, в случае чего за секунды можно взять наизготовку, не то что более мощный, но громоздкий ППШ.

Карабин он нашел среди покореженных орудий. Артиллеристы, как и кавалеристы, носили карабины. Захватив бесценный трофей и патроны к нему, обрадованный Бембеев покинул поле боя. Теперь уже можно не бегать, как заяц по степи, а в случае чего дать отпор. Правда, он никого не собирался убивать, как-никак – преследователи выполняли приказ, и своими врагами он их не считал. Что такое приказ, воин знал: это закон для подчиненных и обсуждению не подлежит. Карабин нужен был Бембееву для устрашения, в крайнем случае, можно им слегка ранить солдата, чтоб отстали. Нет, он не собирался воевать с Советской властью, он собирался только защищаться. Кроме того, карабин мог пригодиться для охоты на сайгаков или чтобы отпугивать волков, коих в степи всегда много, а летом прилетят на Волгу дикие гуси, утки и прочая пернатая живность. патронов надолго хватит...

На прощание Басанг подъехал к братским могилам, снял шапку и пробормотал старое калмыцкое пожелание, чтобы бойцы счастливо переродились в лучшем мире, где нет войны. И где нет НКВД. Это он уже от себя добавил.

Окончание следует.

